

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ОЛЕГ СИНИЦЫН
СПЕЦХРАНИЛИЩЕ

Спецхранилище

Олег СИНИЦЫН
Спецхранилище

«Автор»

2007

Синицын О. Г.

Спецхранилище / О. Г. Синицын — «Автор»,
2007 — (Спецхранилище)

Вступая в должность начальника охраны старого военного бункера, капитан в отставке Валерий Стремнин не подозревал, что в недрах объекта хранится внеземной артефакт невероятной силы. И этот артефакт вдруг потребовался пришельцам из космоса, преследующим цель подчинить себе Землю... Тихая охрана заброшенного спецхранилища оборачивается непримиримым противостоянием отставного офицера и инопланетных захватчиков.

© Синицын О. Г., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Заброшенный объект

Сдававший дела майор Фомин, бывший ракетчик, остановился перед входом в бункер и, хитро сощурившись, спросил, верю ли я во внеземной разум? Я ответил, что так же самозабвенно, как в обещания правительства улучшить народу жизнь. Светило солнышко, в траве стрекотали кузнечики, за рекой темнел лес, который простирается, как мне сказали, на десятки километров. Сутулящийся, с натруженными крестьянскими руками, в черной куртке с надписью «ОХРАНА», майор усмехнулся ответу (он вообще посмеивался после каждой фразы), снял навесной замок и отворил массивную гермодверь, ведущую в бетонное подземелье. Изнутри дохнуло холодом, большим, чем летом из обычного подвала. Мы вошли в бункер, и спустя двадцать минут мои представления в корне переменялись.

Не о правительстве, конечно.

Должность начальника охраны спецхранилища одного московского Института – единственное, что я сумел найти после демобилизации из рядов Вооруженных сил, где служил в должности командира мотострелковой роты. Впрочем, щадящий термин «демобилизация» я использовал в основном для жены. На самом деле я загремел из армии. Так загремел, что грохот прокатился по всей Ярославской области.

Эту работу мне предложили в охранном предприятии «Вымпел». Директор ярославского отделения Гаджиев, большой квадратный дагестанец, едва умещавшийся в кресле, внимательно выслушал мою биографию, потом поднял телефонную трубку и минут за пятнадцать по каким-то своим каналам получил о моем прошлом гораздо больше информации, чем мне бы того хотелось. Почесав волосатыми пальцами бритую голову, он сказал, что у него есть работенка для такого, как я. Сразу предупредил, что она не ахти какая, что зарплата скромная, а условия жизни далеки от городских, но с моей ударной биографией на лучшее рассчитывать не приходится.

– Отработаешь год-два без сбоев, – пообещал он, – заберу в город, в структуру охраны банка. Это предложение считай испытательным сроком. Либо соглашайся, либо сразу вали отсюда.

Я думал ровно минуту, в течение которой вспоминал многочисленные отказы в других конторах, многочисленные долги, Настюху, которой вот уже два месяца не могу купить жалкую шоколадку, – а моя дочь любит шоколадки!

Ерзая на краешке стула, я попытался улыбнуться как можно шире.

– Буду рад получить эту должность.

– Ну да! – скривился Гаджиев. – Поселок – дыра, работа тупая. Стеречь хранилище посреди поля. Раньше там стояла войсковая часть, но пять лет назад ее расформировали. Немногочисленные объекты передали Институту, потому что бункер на территории части был и остается в его ведении. С Институтом у нас договор на охрану его отделений по всей России, поэтому на хранилище приходится держать штат. Твоя задача: охранять объект, поддерживать сторожевую инфраструктуру и не позволять деградировать подчиненным. Их набрали из местных, так дешевле, да и с жильем нет проблем. Но народец разношерстный, с гонором.

Он покопался в ящике стола, после чего кинул на обшарпанную столешницу бледно-зеленый бланк. Взглянув на шапку, я удивился. Это оказалась подписка о неразглашении. В случае нарушения ее условий мне грозила не только уголовная статья, но и приличная сумма денежного штрафа, которую, учитывая мои нищенские заработки, пришлось бы выплачивать внукам, если Настя нас когда-нибудь осчастливит.

– Это не моя прихоть, – угрюмо пробубнил Гаджиев, пока я заполнял пустые строки. – Институт требует. Откуда секретность, тебе Фомин объяснит, это нынешний начальник охраны. Он, кстати, свое отработал, поэтому забираю его сюда. А ты – на его место.

Спецхранилище Института, восемь гектаров луга с постройками, обнесенными колючей проволокой, стояло в чистом поле на берегу небольшой реки в шести километрах от поселка Коровино. На территории располагались полуразвалившиеся солдатские казармы, склад ГСМ под навесом, штабеля трухлявых ящиков с устаревшим оборудованием, два вросших в землю полуразобранных ЗИЛа, охранная вышка, плац, спортивный городок, а также другие мелочи, свойственные войсковым частям. Относительно свежей выглядела караулка, одноэтажный некрашенный домик из бруса, оборудованный чугунной печью. В нем во время дежурства обитали мои будущие подчиненные. Но главной достопримечательностью спецхранилища являлся подземный бетонный бункер, расположенный в глубине территории, я бы сказал, в самом ее сердце. В него-то мы и спустились с майором Фоминым по крутым пыльным ступеням.

– Ключ от бункера будет только у тебя, – объяснял он, покачивая на пальце связкой. – У караульных нет допуска, незачем им. Для страховки я еще пломбирую гермодверь, чтобы соблазна не было ключ подобрать. А то поначалу находились мастера. Пломба здесь же, на связке.

Я кивнул, оглядывая арки сводчатого потолка.

– Один приехал? – спросил Фомин.

– Пока да. Жена с дочкой у тещи остались. Но как обустроюсь – перевезу сюда.

– Жена не будет возражать?

– Против чего?

– Ну, сменить город на поселок.

– Моя жена – чуткий и понимающий человек. Она поддерживает меня во всех начинаниях.

Я всем так отвечаю. Кому какая разница, какие у меня отношения с женой?

– Им здесь понравится, у нас хорошо, – простодушно ответил майор. – Скоро земляника созреет, потом грибы пойдут. Если ружьишко имеешь, можно и поохотиться.

Ступени закончились небольшой площадкой перед гермодверью со штурвалом. Она была гораздо тоньше бронированной дуры, стоявшей на входе в бункер. Фомин повернул штурвал, в лицо дохнуло теперь уже отчетливым холодом, и мы оказались в бетонном коридоре первого подземного яруса.

Над головой нависали угрюмые тяжеленные перекрытия. Нештукатуренные стены до моего плеча покрывал тонкий слой коричневой краски. Кое-где под самым потолком чернели большие круглые дыры вентиляционных отверстий. Справа и слева из проемов выглядывали штурвалы гермодверей. Всего их было четыре, по две с каждой стороны. В дальнем конце коридора виднелись обычные деревянные двери, а также перила лестницы, ведущей, по всей видимости, на второй подземный ярус. Перед лестницей на стене белой краской было выведено: «Вход без средств защиты дыхания строго воспрещен!» Из-под пола раздавалось мерное гудение.

После июньского пекла находиться в прохладном бункере было так же приятно, как в кондиционированном офисе. Я подумал, что мог бы иногда спасаться здесь от жары. Это, конечно, идет вразрез с предписаниями должностной инструкции, но раньше меня не останавливало даже нарушение устава.

– Раз в три месяца сюда приезжают академики из Института. – «Академики» Фомин произнес с маленькой издевкой. Вероятнее всего имелись в виду не настоящие академики, а кто-то попроще. Солдаты от скуки любят придумывать прозвища. – Обычно они сначала звонят на мобильный и сообщают, когда и во сколько появятся. Я встречаю их на КПП, осуществляю

допуск в бункер, показываю, что все инвентарные объекты на месте. Потом мы расписываемся в журнале, что я сдал, а они, дескать, приняли. Когда они заканчивают работу, прием-передачу осуществляем в обратном порядке. Увозить они ничего не имеют права, только по специальной бумаге, согласованной с нашим директором.

– Гаджиевым?

– С ним. Но на моей памяти никто ничего не увозил. Академики здесь вообще подолгу не задерживаются. Дольше одного дня не видел, чтобы здесь торчали. Им здесь неинтересно. Рутин.

Мы остановились перед гермодверью с циферкой «1». Фомин достал откуда-то журнал в чумазой обложке, раскрыл его. На первом листе мелькнул вклеенный перечень с несколькими подписями и расплывшейся синей печатью.

– Значит, в комнате номер один у нас хранится объект с инвентарным номером ноль-ноль-один.

– Тот, кто присваивал номера, был большим выдумщиком. – Фомин с интересом посмотрел на меня и затрясся от своего уже опостылевшего смеха, похожего на икание. Под эти странные звуки мы и вошли в комнату.

Посреди однообразия голых бетонных стен, разбавленного лишь люминесцентными лампами и архаичными розетками с заземляющей жилой, устроился деревянный стол, какие выпускали в восьмидесятых годах прошлого века. На столе, на подложке из зеленого сукна, покоился обыкновенный камень... Точнее, поначалу это показалось мне камнем, осколком горной породы, горами которых укрепляют железнодорожные насыпи. Щебнем. Однако, когда мы приблизились, стало ясно, что о щебне речь не идет. Камень был темно-серого, почти черного цвета и имел форму правильной пирамидки. Все грани были ровными. На каждой из них виднелся то ли нарисованный, то ли выжженный иероглифический знак.

– Вот он, наш первый объект, – объявил Фомин, заглядывая в журнал. – В наличии.

Хоть убейте меня, я не понимал, почему эта побрякушка хранится здесь, а не в музее японского искусства. На кой ляд было прятать ее в подземном бункере, окруженном колючей проволокой, находящемся под охраной пусть не морских пехотинцев, но людей все же не с пустыми руками:

– Для чего она?

Фомин неопределенно пожал плечами.

– Про эту фигнюшку ничего не могу сказать. Да и про остальные знаю не намного больше. Мне только известно, откуда они появились. А для чего нужны – этим вопросом занимались академики. Хотя сейчас уже не занимаются, только вид делают.

Он говорил так, словно считал свои объяснения исчерпывающими.

– Хорошо, – отозвался я. – Показывай, что там дальше.

В следующей комнате, как две капли воды похожей на первую, хранились ограненные осколки мутноватого стекла. Инвентарные номера 002, 003, 004. На вид еще менее полезные, чем камень из первой комнаты. Какого лешего их здесь держат? Валяйся они на обочине дороги, прошел бы мимо.

В комнате с цифрой «3» находилось несколько бесформенных металлических обломков.

– Я так понимаю, что кому-то просто негде складировать металлолом.

– Давай-давай. Я тоже так поначалу зубоскалил, когда принимал это добро... Дальше идем?

– Погоди, майор. Потрогать можно?

– Отчего ж нельзя, потрогай.

Среди четырех гнутых железок, имеющих инвентарные номера от 012 до 015, я выбрал средненьких размеров брусок с обломанным концом. На взгляд он весил не меньше двух-трех килограммов, но стоило взять объект в руку, как от моих прикидочных оценок остался пшик.

Брусочек оказался необычайно легким, легче алюминия, хотя по твердости и блеску скорее напоминал легированную сталь.

Фомин глядел на меня с хитрым прищуром.

– Ну как?

– Странная штукавина, – задумчиво пробормотал я.

– Главное, что лежит на своем месте. Двигаем дальше.

За четвертой гермодверью я ожидал увидеть обломки из нового материала, скажем пластмассы. Но ничего подобного. Симметрия размещения оказалась варварски нарушена, и вместо ожидаемых камушков, стеклышек или железок передо мной предстали два баллона высокого давления, установленные на сварной конструкции. Баллоны были самые заурядные, такие используют в аквалангах. Манометр одного показывал давление полторы атмосферы, другого – одну и две десятые.

Для логического вывода мне потребовалось секунды три.

– Я так понимаю, что самое важное находится внутри этих баллонов.

– Правильно понимаешь.

– Ладно, майор, колись, что все это такое?

Майор-ракетчик поскреб неровно торчащую щетину на подбородке, облизал губы и произнес:

– Это обломки летательного аппарата. Металлические фиговины – элементы корпуса. Стекляшки – устройство управления. В баллонах – воздушная среда. Пирамидка... она тоже для чего-то нужна.

Я, признаться, в армии не две недели служил. Всякую технику повидал, в том числе самую современную, последних разработок. Но чтобы устройства управления состояли из стеклышек, похожих на мутные кусочки льда, – о таком я слышал впервые.

– Его сбили в восемьдесят шестом, на границе Ярославской и Ивановской областей, – продолжал Фомин. – Основную часть увезли в Москву, в секретную лабораторию во Внуково-2. Мелкие детали изучали здесь. Говорят, лет пять измеряли, взвешивали, определяли химический состав. А потом то ли все измерили, то ли интерес пропал. Теперь дай бог, чтобы раз в три месяца появились. Никому это барахло больше не требуется. – Я продолжал на него бестолково смотреть, и Фомин усмехнулся: – НЛЮ это, землячок! Неопознанный летающий объект. Точнее то, что от него осталось. По своей прежней профессии мне доводилось сталкиваться с людьми, служившими на подобных объектах, и вот что тебе скажу. Много таких спецхранов по стране разбросано. Где-то это склады воинских частей, где-то ангары на аэродромах, а где-то бункеры, как у нас. В семидесятых—восемидесятых годах прошлого века Министерство обороны и Академия наук активно собирали рапорты о появлении тарелочек, а если везло и ПВО сбивала их, то изучали. Только сейчас все это забросили, я ж говорю, никому не нужно. Правда, секретность не сняли, с этим строго. Вот и приходится охранять по старой привычке.

Признаюсь, я не поверил. Не было в этих железках и стекляшках ничего такого, что заставило бы поверить. Просто какой-то дядя, сидящий в высоком кресле, очень хочет думать, что данный мусор является обломками НЛЮ. По его приказу их засунули в бункер, приставили охрану. Ради соблюдения приличий в бункер периодически засылают «академиков», как их называет майор-ракетчик.

Меня разобрал смех.

Фомин поглядел на меня серьезно. Он мог подумать, что я его передразниваю, но, клянусь, ничего такого не было и в помине. Обычная истеричная реакция.

– Оно и верно, – примирительно сказал майор, – не сразу поверишь. На это время надо. Что ж, пошли дальше.

Мы покинули комнату и направились к лестнице, спуск по которой запрещался без средств защиты дыхания. Под нижней строкой грозного предупреждения на гвоздике висели

четыре респиратора. Фомин снял два: один дал мне, второй надел. После этого двинулся вниз по лестнице навстречу поднимающемуся холоду. Стараясь не отстать, я поспешил следом, натягивая респиратор на ходу. Смех не унимался, поэтому, пока я спускалась за майором, из-под моей маски раздавалось сдавленное хрюканье. Впрочем, хрюкать пришлось недолго. То, что я увидел двумя пролетами ниже, начисто отшибло желание смеяться. Вместо этого дико захотелось выпить. Немного, граммчиков сто, только чтобы поставить на место сдвинутые мозги.

На нижнем ярусе путь нам преградила огромная дверь, судя по всему, морозильной камеры. Вот что урчало под ногами! Прежде чем Фомин распахнул ее, подсознательно я уже понял, что увижу внутри, хотя продолжал не верить.

Мы вошли в железную, покрытую инеем комнату. Посреди нее на хирургическом столе лежало белое бескровное тело. У тела не хватало левой руки, видимо оторванной: из-под асбестовой кожи плеча торчали мышцы и сухожилия. Правая рука, вытянутая вдоль туловища, заканчивалась четырьмя тонкими пальцами. Ноги худые, журавлиные, одна согнута под неестественным углом. Голова в верхней части черепа крупная, нижняя челюсть, наоборот, сужалась. Грудную клетку вспарывал Y-образный шрам, оставшийся после вскрытия. Края шрама соединяли аккуратные стяжки.

Я оглядывал последний объект спецхрана с некоторого расстояния. В голове крутилось: «Этого не может быть! Не может быть!» Подойти к хирургическому столу, как это сделал Фомин, желания не возникло в принципе. Единственное, что хотелось выяснить: есть ли у него что-нибудь на месте пениса? Я перевел взгляд на низ живота. Ничего особенного там не оказалось, один безволосый лобок. На теле вообще не росло ни волоса.

– Этот последний, – прогудел Фомин из-под респиратора. – Инвентарный номер ноль-ноль-семь. Наш Джеймс Бонд. В описи значится как «человек с многочисленными врожденными уродствами». Но ты не обманывайся, это название для любопытных. Помни о том, что я говорил наверху.

Глазницы гуманоида были огромными. Из-под полуопущенных век выглядывали остекленевшие белки. Именно при взгляде на огромные глазницы мои представления в корне переменялись. Когда тебе показывают тело и ты уверен, что ни одно уродство, ни одна мутация не могут привести к подобным деформациям плоти, – представления в корне, знаете ли, меняются.

Майор Фомин прошелся возле стола с невозмутимым видом. В морозильной камере он чувствовал себя непринужденно, словно спустился в подполье набрать картошки. Меня же начало мутить. Я старался не подавать виду (смеяться давно перестал), но ситуация могла закончиться блевотиной в респираторе.

Признаться, я многое повидал на своем веку и не терял хладнокровия в самых критических ситуациях. Но при виде нечеловеческого существа на хирургическом столе моя физиология почувствовала себя крайне неудобно. От приплюснутых замороженных останков тянуло непонятной жутью, я не мог объяснить свое чувство. Гуманоид был мертв больше двадцати лет, его грудная клетка вскрыта патологоанатомом, а внутренности, вероятно, вытащены, погружены в формалин и хранятся где-то отдельно в баночках, но в то же время от него разило чем-то ненормальным и чужим. Находиться рядом с *этим* было выше человеческих сил. По крайней мере моих.

– Почему об этом молчат? – выдавил я сквозь зубы.

– Отчего ж молчат? Некоторые газеты много об этом пишут. Только никто не верит... – Фомин взглянул на меня. – Ты живой ли, Валера?

Под ручку он вывел меня из бетонных подземелий на свежий воздух. Я опустился на травку, подставив лицо мягкому ветру, наполненному запахами сена и речной прохлады. Пока я приходил в себя, Фомин запер внешнюю гермодверь на навесной замок, оставил отгиск

пломбы на лепехе из пластилина, фиксирующей конец кордовой нити. Потом подошел ко мне, на ходу свинчивая пробку с фляги. К полевым запахам добавился новый, остро пахнущий ингредиент.

Заскорузлые пальцы майора поднесли к моему лицу наполненную до краев винтовую пробку. Мне очень хотелось ее взять, но я покачал головой:

- Спасибо, не надо.
- Что так! – удивился Фомин.
- Не пью.
- В завязке, что ли?

Я предпочел не отвечать.

Фомин без стеснения оприходовал предложенную порцию. Крепко навинтил пробку на флягу.

– Ты молоток, хорошо перенес. А я прямо в маску блеванул, когда Захарыч, мой предшественник, показывал объекты в первый раз. Но потом ничего, привык. И ты привыкнешь.

– Значит, это мне охранять? Гребаные обломки НЛЮ и Джеймса Бонда?

– Там в кладовках на первом ярусе еще барахло разное. Электронные приборы для лабораторных исследований, средства радиационной защиты...

– Не будем смотреть. Я тебе верю.

Фомин опустил рядом со мной на траву. Некоторое время мы просто сидели, глядя на реку сквозь ряды колючей проволоки.

– Работа не блеск, но привыкаешь, – сказал он со вздохом. – Знаешь, что хуже всего? Рассказать никому нельзя. Хотя под водку и в хорошей компании очень хочется. Охраняй периметр – и все будет нормально. Сюда не лазают, знают, что у охраны карабин имеется. Единственные, кто слов не понимают, это зайцы – самые злостные нарушители. Кроме академиков, иногда с проверкой появляются из нашего «Вымпела», но это совсем редко. На моей памяти два раза и было.

Он все это рассказывал, а я слушал его одним ухом, не в силах поверить, что еще десять минут назад был счастливым человеком, не знавшим, что скрывает бункер. Теперь меня лишили уверенности, спокойствия, сна, а также других прелестей, свойственных нормальным людям, с которых не брали подписку о неразглашении.

– Возникнут проблемы с вентиляцией – звони в Институт, чтобы присылали людей для ремонта. – Он вручил мне обшарпанный мобильник «Нокиа». – Это наш служебный телефон. Там в памяти забито несколько полезных номеров... Если электричество отключится, сперва запусти дизельный генератор, чтобы холодильная установка не встала, а после звони на Коровинскую подстанцию и мажугайся, чтобы немедленно дали электричество. Будут резину тянуть – угрожай, что позвонишь в ФСБ, они этого боятся. По поводу остального в инструкциях расписано, считаешь.

– Типа, где здесь заросли клюквы и когда собирать грибы?

Фомин опять затрясся от смеха.

– Слава богу, в себя пришел, – сказал он, хлопнув меня по плечу.

– Да я и не уходил.

Когда мы возвращались через плац к караулке, Фомин неожиданно посерьезнел, вспомнив о чем-то.

– Забыл рассказать еще кое-что важное. Короче, это... Не спускайся часто в бункер. Первое время жуть как хочется глазеть на вещицы, которые там лежат, но лучше этого не делать.

– Почему? – спросил я. Жизнь во мне снова начала пробуждаться. Свежий воздух подействовал ободряюще.

– Захарыч рассказывал, мой предшественник – кстати, тоже капитан. Он служил на спецхране, когда здесь исследования шли. По его словам, в конце восьмидесятых в этом бункере сошел с ума ученый.

Я превратился во внимание.

– Двое их было в смене, – продолжал майор-ракетчик, – несколько лет работали вместе, товарищи, что ли. По крайней мере оставались ими до тех пор, пока один из них не притащил из дому обрез и не высадил другому мозги. После этого ногтями выцарапал себе глаза. Когда его спросили, дескать, чего ты, урод, наделал, он ответил, что никак не мог увидеть Сияющее Великолепие.

– Что он не мог увидеть?

– Сияющее Великолепие. Ну, с выцарапанными глазами, наверное, виделось лучше... Короче, никто не знает, что стало причиной того инцидента, хотя расследование долго вели. Пришли к выводу, что этот хмырь очень много времени проводил наедине с чужеродными элементами, вот психика и не выдержала. Я, сказать по правде, в эту историю не особо верю. Но в бункер без лишней надобности не спускался. Что и тебе советую.

– Сдался он мне...

– Ну да, сдался, – усмехнулся Фомин. – Видел я, как у тебя глазки загорелись, когда ты про НЛО услышал.

В караулке я принял у него ключи, папку с инструкциями, журналы, ведомости, личные карточки караульных.

– Ну, удачи, Валера! – сказал Фомин, когда мы расставались возле ворот. Он долго не отпускал мою ладонь в прощальном рукопожатии. – Не переживай, здесь все не так тухло, как кажется.

Он снова хихикнул, затем, горбясь и прихрамывая на левую ногу, отправился через луг по утопанной проселочной дороге в сторону Коровьино. Я и восемь гектаров, обнесенных колючкой, остались у него за спиной. Когда на этом чертовом спецхранилище все пошло кувырком, я вспоминал его последнюю ухмылку. Майор Фомин будто знал, что самое интересное меня ждет впереди. Спецхранилищу придется пережить такой штурм, с каким не сталкивалась ни одна крепость, ни один осажденный город.

Глава 2

Гроза над лугом

Семья для меня всегда была чем-то святым. Что бы ни происходило в моей жизни, какие бы соблазны я ни испытывал – я не смел изменять жене. Ни-ко-гда. Однако Юлька однажды сказала, что лучше бы я гулял налево, чем ей наблюдать каждый день мое «скотообразное», как она выразилась, состояние... Ну да, я пил. Чуть больше обычного. То есть обычно – это по выходным, в праздники и дни рождения. А я пил чуть больше.

Каждый день.

Конечно, поначалу за мной такого не водилось. Я был молодым и нахальным лейтенантом, отличником боевой подготовки, только что вернувшимся со Второй Чеченской, где мне даже удалось немного пострелять под Шали. Юлька говорила, что вышла за меня замуж потому, что я показался ей не таким, как все. Особенным. Не знаю, что она во мне нашла. Сейчас она говорит, что и сама не помнит. От молодого улыбочивого лейтенанта остался только призрак с четырьмя звездочками на погонах.

С каждым годом маховик алкогольного влечения раскручивал обороты. Поначалу я не признавал водки без хорошей компании. Но потом наличие компании стало несущественным, на замену водке пришли спирт, одеколон и аптекарские настойки. Я потерял форму, располнел, стал быстро пьянеть. Раньше пол-литра были для меня как включение двигателя на прогрев, настоящий полет начинался лишь после дозаправки. Теперь, к тридцати четырем годам, печень словно съезжилась и пол-литра вполне хватало, чтобы у организма начались проблемы с памятью и координацией.

На самом деле удивительно, факт, достойный Книги рекордов Гиннеса, что я так долго продержался на службе, что меня не выкинули с нее намного раньше. А все потому, что не похмелялся по утрам. Сколько бы ни вошло в меня накануне, стоит поспать три-четыре часа – и утром я встаю как огурец, только запах один. Обычно я перебивал его одеколоном, отчего получил кличку «Богема» – из-за сопровождавшего меня повсюду аромата. Солдаты от скуки любят придумывать прозвища. Короче, мое хобби пить все, что горит, касалось службы только краем. Остальными же многочисленными гранями оно обрушивалось на семью.

Юлька говорит, что уже не помнит, какой я бываю трезвый. Только на фотографиях в альбоме. Она, конечно, кривит душой, вразнос-то я пошел в последние годы. За это время она трижды порывалась уйти, но каждый раз я клятвенно обещал, что завяжусь в морской узелок. Знаете, когда захочу, я могу быть очень убедительным. Я сажал ее за кухонный стол и, преданно глядя в глаза, повторял: «Ну посмотри на Настю! Как она будет расти без отца? Как?!» Настя у нас чистый и светлый ребенок, открытая душа. И я, и Юлька прекрасно понимали, что развод обернется для нее психологической травмой. После моих слов Юлька обычно сдавалась и шипела сквозь зубы, какая я все-таки сволочь... Вообще она у меня незлая: закончила филфак и работает учителем литературы у старшеклассников. Они ее уважают, потому что она привлекательная, знаете, нечто вроде подросткового секс-символа, и к преподаванию предмета подходит нестандартно, учиться у нее интересно. Коллеги ее жалеют: такая замечательная женщина и такой непутевый муж...

Так что служить я мог хоть до старости, если бы не досадный случай, из-за которого все полетело кувырком. Накануне того дня поспать мне не удалось вовсе. Из Германии на побывку приехал мой школьный друг Димка Самсонов, с которым мы не виделись лет пять. Гудели ночь напролет. Наутро глаза у меня были красными, ноги заплетались, а запах изо рта шел такой, словно из пасти Змея Горыныча, – никакой одеколон не спасал. А тут еще в часть приехал проверяющий из штаба округа. «Это что у вас такое? – опешил он, когда я вывалился

отдать рапорт командиру части. – Да он же в говно!» И тут же – уволить. Наш «батя» Савелыч, хороший мужик из Иванова, попытался замять дело. Дескать, строгача мне влепят и все такое. И проверяющий почти согласился на компромисс. Только я не знал о достигнутом соглашении и при первой удобной возможности от души смазал ему по мордам... Под трибунал не попал чудом. Зато в военном билете появилась замечательная запись: «Уволен из рядов Вооруженных сил РФ за невыполнение условий контракта». Будто в контракте что-то сказано о том, что нельзя бить морды проверяющим!

Считаете, что я алкоголик? Ошибаетесь. Я глушил душевные позывы. Служба в войсковой части, если честно, меня убивала. Поначалу, когда это все разворачивалось перед восемнадцатилетним юношей, служба казалась захватывающим приключением. Я потомственный военный: мой прадед служил в царской армии, мой дед сражался с фашистами и погиб в сорок четвертом, мой отец дослужился до подполковника (он сейчас на пенсии, живет на дачке под Тутаевым). Я с десятилетнего возраста собираю «калаш» с закрытыми глазами и имею корочки кандидата в мастера спорта по пулевой стрельбе. Но потом, после Чечни, когда я осел в гарнизоне, ощущение новизны от профессии растаяло, и я обнаружил, что мне чего-то не хватает для полного счастья. Трудно сказать, чего именно, но одно я знаю точно – солдат не должен сидеть в казарме. Он должен сражаться, бить врага, Родину там защищать. Вон викинги – опытные вояки, прекрасно об этом знали. Когда им становилось скучно, они отправлялись искать счастья в дальнем походе – резать врагов и громить города. Максимум, что я громил, – витрины магазинов. Но это совершенно не тот адреналин.

Когда меня выкинули из армии и нам пришлось съехать с гарнизонной квартиры, жена поставила ультиматум. Я бросаю пить и нахожу работу. Только при исключительном выполнении этих двух условий она и Настюха остаются со мной. В противном случае наша ячейка общества перестает существовать. Я попросил дать мне два месяца. Она дала один. И я справился. Самое главное заключалось в том, чтобы найти замену водке. Ведь я пил, чтобы заполнить пустоту в своей жизни.

Замена отыскалась с неожиданной стороны. Я стал вырезать деревянные ложки.

Когда меня прихватывало желание вмазать стакан, я брал в руку ложкорез и заготовку. Чем сильнее мне хотелось выпить, тем сосредоточеннее я вонзал жало в податливую древесину и выводил контуры. К тому моменту, когда Гаджиев предложил мне работу в «Вымпеле», деревянные ложки валялись по всей квартире тещи, у которой мы временно разместились. Настюха ради развлечения расписывала некоторые красками, а Юлька шутила, что работу я уже нашел, осталось только найти рынок сбыта.

Конечно, я бросил пить вовсе не потому, что начал вырезать ложки. Все гораздо сложнее. Я взялся за переоценку своих ценностей и приоритетов. Не сделай я этого, снова бы вернулся к водке, никакие бы ложки не спасли. Может, и хорошо, что меня выкинули из армии? Не быть мне военным. Недостойн я отца, подполковника в отставке, и деда, сгоревшего в танке. Надо искать другой смысл в жизни и другие пути самореализации. Какие? Я пока не знал. Но эта тихая работа на спецхранилище за тридевять земель от городской суеты позволяла не спеша пораскинуть мозгами.

* * *

На протяжении первых недель работы в новой должности я постигал смысл фразы «охрана объекта, брошенного к черту на рога». На меня обрушились организационные и хозяйственные вопросы, требующие немедленного решения. С энтузиазмом человека на новом рабочем месте я окунулся в них с головой.

Первым делом мне пришлось искать лампочки для фонарей, освещавших территорию. Караульные жаловались, что по ночам не видят и половины объекта. У лампочек был особый

поколь, в хозтоварах поселка таких не нашлось, но сердечные люди направили меня к электрику ткацкой фабрики Коле. Коля обещал осыпать меня такими лампочками, если я позволю ему демонтировать пятьдесят метров кабеля с задней стены казармы на спецхранилище. Так как казармы были уже основательно пограблены, когда войсковая часть уходила с объекта, я решил, что кабеля никто не хватится, и мы ударили по рукам.

Разобравшись с этой проблемой, я обнаружил, что у нашего служебного карабина СКС закончился срок разрешения на хранение и использование. Пришлось срочно ехать в город в УВД для оформления нового разрешения, да еще самому печатать приказ по «Вымпелу», без которого разрешение было не получить. Крутясь с этими бумажками в головном офисе, я попутно получил на складе новую спецодежду для своих и кой-какие мелочи по хозяйству.

Попутно с решением насущных вопросов, съедавших львиную долю моего времени, я знакомился с поселком, где жили мои подчиненные и где на ближайшие полтора-два года осел я. Коровьино населяли около двух тысяч человек. Панельные пятиэтажки, бревенчатые многоквартирные дома и частные дворы расположились вокруг дореволюционной ткацкой фабрики, работниками которой являлась половина жителей поселка. «Вымпел» снял для меня квартиру на окраине в многоквартирном бревенчатом доме, населенном в основном бабушками-пенсионерками. На дворе стояло лето, и к ним на каникулы понаехали внучки и внучата. Дом и прилегающий двор порой гудели от их визга, крика и гуканья. Моей Настеньке, перешедшей в третий класс, скучать здесь явно не придется.

Впрочем, квартирой свое жилище я назвать погорячился. Это была коммуналка, разделенная перегородками на три крошечные каморки, одна из которых досталась мне. В ней были отдельный вход, коридор, исполняющий роль кухни и прихожей, а также небольшая комната с диваном, шкафом и круглым столом. Общий выгребной туалет располагался в задней части дома. Ни душ, ни тем более ванна не предусматривались в принципе – большинство жителей поселка пользовались баней. Вода в «квартиру» доставлялась при помощи рук и ведра из водопроводной колонки.

Моя семья продолжала жить в городе у тещи: Юлька принимала экзамены. К концу июня они закончатся, она отгуляет на выпускном балу подшефного класса, сходит с ним в маленький поход на Волгу, после чего приедет ко мне. К этому времени я собирался привести жилье в порядок – Фомин, обитавший в нем до меня, оставил настоящий разгром. Юлька и Настя поживут здесь до осени. Что будет дальше, я не загадывал. В принципе Настя могла бы ходить в коровьинскую школу, а Юлька – преподавать в ней. Правда, супруга не хотела уходить из своего коллектива, он у них сложился дружный. Да и я не собирался навечно оставаться в Коровьино, меня ждала охранный структура банка.

В заботах пролетели первые недели на новом месте. Все это время меня неудержимо тянуло в бункер. В детстве кроме книг про войну я периодически читал научную фантастику. Поэтому неудивительно, что мне хотелось еще раз взглянуть на инопланетные артефакты, пощупать их, убедиться, что они существуют и реальны, а не привиделись от полуторамесячного алкогольного воздержания.

Однако больше всего притягивал пришелец в морозильной камере. Мне хотелось изучить его тщательно, а не сквозь мутную пелену выступивших от тошноты слез. Хотелось разобраться в строении тела. Рассмотреть лицо. Заглянуть под веко. Есть ли под ним зрачок? Какой он? Круглый, как у человека, или щель, как у рептилии? В общем, пришелец был мне страшно интересен. Но я оттягивал поход в бункер до лучших времен, словно бутылку марочного коньяка, уверенный, что новизна работы уйдет, решение хозяйственных вопросов наскучит и моими единственными развлечениями останутся деревянные ложки и это.

Правда, обстоятельства заставили меня спуститься в бункер намного раньше, чем я планировал.

* * *

Тот день начался с того, что ранним утром я проснулся с идеей устроить проверку своим караульным. Меня интересовало, не дрыхнут ли они на посту. Я побрился, сварил вкрутую яйцо, позавтракал, покурил на крылечке, глядя на солнышко, поднимающееся над лесом за рекой, потом надел черную куртку с крупными желтыми буквами «ОХРАНА» на спине и отправился в путь. Уже в шесть утра в воздухе ощущалась духота, и я подумал, что грозы сегодня не миновать.

Сильной грозы.

Путь от Коровьина до спецхранилища пролегал по проселочной дороге через луга, холм и перелески. Расстояние было внушительным, порядка шести километров. Транспорт здесь не ходил, разве что трактор и уазик фермера Ипатова, чье хозяйство располагалось через два поля от моего объекта. Так что добираться до службы мне приходилось пешком. Утром туда, вечером обратно. Каждый день. Поначалу такой расклад показался мне забавным и даже полезным для здоровья, но дня через два, попав под ливень, я всей душой возненавидел этот путь. Проселок моментально раскис, подошвы скользили, норовя опрокинуть меня в грязь, одежда промокла до нитки. Домой я вернулся без сил. После того случая я стал подумывать о велосипеде.

В пути мне попала пастушка Дарья, гнавшая общественное стадо на берег реки, где трава была посочнее. Под выцветшим на солнце платком багровели обветренные щеки. Завидев меня, Дарья улыбнулась. Во рту отсутствовала добрая половина зубов. Я вскинул руку, показывая, что тоже рад ее видеть. Мы пересекались с ней каждое утро и каждый вечер, словно работали в одну смену.

До спецхрана я добрался за час с небольшим. Спустившись с холма, крадучись прошел вдоль колючки, преодолел ворота и незаметно подобрался к караулке. Дежуривший сегодня Морозов, белобрысый двадцатилетний парень, не спал, но занимался чем-то недозволенным, чем – я не успел рассмотреть. При виде начальника, выросшего в дверном проеме на час раньше положенного срока, он вскочил, опрокинув табурет, что-то испуганно пряча за спиной.

Я кашлянул, прочищая горло. Не поздоровавшись, прошел через помещение. Налил в стакан холодного кипятка из чайника. Морозов с волнением следил за моими неторопливыми глотками.

– Ты вдоль периметра ходишь? – спросил я, вытирая губы.

– Хожу, – осторожно ответил он.

– Неправда. Трава вдоль колючки даже не примята.

– А че я-то сразу! – заволновался Морозов, тараща на меня белесые глаза. – Вдоль колючки никто не ходит. Там бурьян выше головы.

Сухой стук доньшка стакана, возвращенного на стол, оборвал его оправдания.

– Что у тебя за спиной?

Парень съежился. Я шагнул к нему.

– Тебе известно, что во время дежурства караульный не вправе заниматься посторонними делами? Что там у тебя? – Я протянул ладонь. – Дай сюда.

Он вытащил руку из-за спины. В ней оказалась книга в мягкой обложке: «Сборник типовых упражнений по физике для поступающих в вузы».

Я повертел книжку в руках.

– Это еще зачем?

– А всю жизнь, что ли, в караулке сидеть? – огрызнулся Морозов, глядя на меня волком. – Следующим летом в город поеду, в политехнический поступлю. А в Коровьине только два занятия: ткацкая фабрика и бухло. Я тупею с каждым днем.

– Пока ты читаешь книжки в караулке, враг сейчас проникает на территорию вверенного тебе объекта.

– Да, конечно! Толпами валит на эти развалины!.. Кому они нужны!

– Все равно, по должностной инструкции тебе не положено отвлекаться.

– Ничего вы не понимаете! – вспыхнул Морозов. – Вы такой же, как остальные военные. У вас только одно на уме: чтобы сапоги блестели да маршировать в ногу!

Я вернул ему книжку.

– Спрячь. Это нужно читать дома, а не в карауле. Еще раз увижу – влеплю выговор.

Он забрал книжку, взирая на меня с лютой ненавистью. Ершистый парень, думает, все на свете знает. Люблю таких. В боевых условиях при соответствующем обучении они набираются ума и становятся отличными солдатами... Если прежде не схлопочут по глупости пулю.

То, что подчиненные не обходят периметр, стало для меня открытием. Майор Фомин, этот гад-хохотун, был с ними запанибрата, отчего караульные распустились и принимали работу за нечто вроде оплаченного безделья на свежем воздухе. Оставлять это без внимания было никак нельзя.

К полудню я собрал перед караулкой на пяточке вытоптанной травы всю четверку: Морозова, Сидельникова, Тарасыча и Орехова. Они обливались потом в душном предгрозовом воздухе и были страшно недовольны, что я вытащил их на объект в нерабочую смену среди белого дня, оторвав от грядок, домашних дел и телевизора.

Но нужно было поставить вопрос ребром.

– Сегодня мне стало известно, что вы не выполняете свои прямые обязанности, – сказал я, с важным видом прохаживаясь перед строем. – Вы не обходите периметр. Это недопустимо. Это нарушение должностной инструкции.

– Да нам нас... ать на твою инструкцию! – с вызовом произнес Орех, молодой обалдуй с глазами садиста и прокуренным голосом. Этот тип людей я тоже знаю. И не люблю. Обучению не поддаются.

– Периметр не обойти, там чертополох с репейником в человеческий рост. – Сидельников был единственным, кто служил в армии, причем не абы где, а в десантных войсках. Коренастый, основательный по характеру, каждое его слово в разговоре звучало весомо. К нему обращались «дядя Саня», хотя Сидельникову не было и тридцати. Вот и сейчас, когда он заговорил, все повернулись к нему. Все, кроме Ореха, который с кислым выражением на лице плевал себе под ноги.

– Если проблема в этом, – сказал я, – тогда нужно скосить сорняки. У нас есть коса?

Косы у нас не оказалось.

– Ничего, я найду где-нибудь, – пообещал я. – Предлагаю с завтрашнего дня в дополнение к графику смен выводить на покос по человеку.

Они взвыли.

– Ну вот еще!

– Размечтался, начальник!

– Это наше личное время!

Бог мой, мне достался настоящий сброд.

– Если кому-то не нравится, я не держу.

– Да увольняли нас уже! – нервно пробубнил Тарасыч. У него на плече синела татуировка якоря. Он говорил всем, что в 1965-м служил на боевом крейсере, хотя на самом деле работал в порту на узле связи. – Увольняли, только потом назад взяли: никто на эту работу не идет!

Блин, как с ними, чертями, бороться? Увольнения не боятся, наказания по барабану, гауптвахты нет, да и не в армии мы, свободные вольнонаемные.

Сидельников неожиданно вырос возле меня.

– Ты это, начальник, – сказал он, обняв меня за плечо, – занимайся своими делами, ладно? А нас не трогай. Мы сами разберемся, как нам службу нести.

Подтвердив свои слова широченной, составленной из крепких зубов улыбкой, Сидельников отодвинулся в сторону. Я вытер взмыленную шею. Во рту было сухо, как в Сахаре. Пальцы сжались, пытаюсь стиснуть рукоять несуществующего резца. Не хватало мне сейчас только ложки вырезать!

Я обвел подчиненных суровым взглядом.

– Вы получаете премиальные, – произнес я с расстановкой. – На мой взгляд, слишком большие. Я поговорю с Гаджиевым, чтобы сделать их соразмерными выполняемым обязанностям. Думаю, это пойдет вам на пользу.

Они затихли. Ропот прекратился. Лица обрели обескураженное выражение.

Я был доволен собой.

– Слушай, капитан, че ты выделяешься? – вдруг подал голос Орех. – Мы же все про тебя знаем. Тебя из части за пьянство уволили. Бухал по-черному. Че ты нас строишь, на себя посмотри. Какая те разница, ходим мы вокруг колючки или не ходим? Никому до этого спецхрана дела нету. А ты все равно уйдешь через год. Вот и выбирай, мирно ты этот год проведешь или с проблемами. А то, знаешь, некоторые проблемы заканчиваются отделением травматологии, трепанацией и прочей фигней, неприятной для организма.

Его выступление стало для меня неожиданным, как удар под дых. Не в смысле угроз, их я не воспринимаю в принципе. Куда неприятнее была просочившаяся информация о причине моего увольнения. В их глазах мой статус упал до уровня майора-ракетчика. Я превратился в своего парня, с которым можно разговаривать на «ты», приказы которого можно не выполнять, а если он начнет изображать начальника, нужно просто приобнять его за плечо со словами: «Да ладно тебе, Палыч! Ну подумаешь, вдоль колючки не ходим. Велика трагедия!»

По инерции я сделал несколько шагов вдоль строя, пытаюсь понять, как мне поступить дальше, чтобы вернуться к привычной расстановке «начальник—подчиненные». Когда я добрал до Тарасыча, стоявшего последним, то неожиданно понял. А ведь с... кины дети правы. Меня в самом деле уволили за пьянство. И я сюда не царствовать приехал, не порядки свои наводить, а год-полтора отбыть в ссылке. Так чего выживать?

Мои подопечные, обнаружив, что я малость про них забыл, потихоньку разбрелись, сели на велосипеды и гуськом покатали в сторону поселка (за исключением Тарасыча, сменившего на карауле Морозова). Клякса, наш пес, долго бежал за ними, потом вернулся. Его конура находилась рядом с караулкой. Кто-то сердобольный подобрал щенка на свалке возле ткацкой фабрики и принес сюда. Клякса здесь вырос, превратившись в черного взлохмаченного пса. Когда он лежит, то невозможно понять, где у него лапы, а где голова. Когда возле караулки появляется чужак, Клякса громко лает, прижавшись к конуре. Нападать боится. А еще он обо- жает носиться за велосипедистами...

Тарасыч бродил вокруг караулки, попыхивая папироской и поглядывая на меня с ехидной ухмылкой. По лицу деда было видно, что ему дюже понравилось, как нового командира опустили с небес на землю. Это подняло ему настроение. А я, погруженный в раздумья, продолжал стоять перед невидимым строем, словно подыскивал достойный ответ для Орехова.

Потом мне надоело так стоять.

Я сказал Тарасычу, что вернусь через час-полтора. Если что случится, вызовет меня по рации. На словах «если что» он подавился папиросным дымом. Типа, ему стало смешно, так как здесь сроду ничего не происходило. Ну да бог с ним.

Я прошел через луг, пересек неглубокий ручей, поросший густым ивняком, проследовал вдоль окученных рядов картофельного поля. Владения фермера Ипатова состояли из двухэтажного особняка, большого сарая и коровника. Я долго стучал в дверь особняка, но никто не открыл. Побродив по двору, я обнаружил в коровнике мальчишку лет тринадцати, среднего

сына фермера. Я представился и попросил косу до вечера. Смущенный грозной надписью на моей куртке, мальчишка заторможенно ответил, что косы у них вообще-то нет.

– А чем же вы траву косите? – изумился я.

* * *

Раздетый по пояс Тарасыч сидел возле караулки на табурете и ремонтировал башмак. Табурет под ним был тяжелым, громоздким, дерева в нем содержалось больше, чем свободного пространства. Карабин лежал на коленях. Когда Тарасыч увидел меня возвращающимся через поле с моторизованной косой через плечо, то проткнул иголкой палец. Мое приближение к КПП было встречено его отчаянными матами.

С востока надвигались тяжелые клубы туч. Подул холодный ветер. Я подумал, что, пока ливень не начался, можно покосить заросли с наружной стороны ограждения. Потом перейду на внутреннюю. Пусть мои подчиненные отказались браться за эту работу, но у меня всегда есть я. В конце концов, надо же чем-то заняться – остальные насущные вопросы я решил. Безделье вполне может вернуть меня в русло прежнего хобби.

Под рев двигателя нож моторизованной косы послушно срезал крапиву, репейник и толстые стебли двухметрового пырея. Сорняки аккуратно ложились от меня справа и слева. Чувствовалось, что машинка не новая, поработавшая, не раз перебранная. Но свои обязанности она исполняла исправно. Надо попросить такую у Гаджиева. Не каждый же день ходить к Ипатову – дадут раз, два, потом перестанут.

Далеко на востоке гроыхнуло. Так звучно, словно выстрел из артиллерийского орудия. Тарасыч с тревогой поглядел в том направлении и вместе с табуретом убрался в караулку, после чего его лицо показалось в окне. Он осторожно наблюдал, последую ли я его примеру. А я продолжал косить. Дождя пока не было, гром меня не пугал, а молния скорее ударит в почерневший стальной стержень громоотвода над казармами.

Тучи выглядели устрашающе. Особенно передняя. Занимая полнеба, она напоминала эдакую черно-синюю гору, внутри которой сверкали белые вспышки. Казалось, рухнула она вниз – деревья на много километров вокруг лягут веером, как тайга на месте падения Тунгусского метеорита. В общем, мне было не по себе, что эта громадина двигалась прямо на нас.

Я заглушил косу и задрал голову, чтобы разглядеть небесного исполина. Когда оборвался рев мотора и в ушах на некоторое время установилась тишина, я услышал шепот...

На этом месте рассказа вы можете усмехнуться, а я в тот момент покрылся липким потом. Негромкий, катящийся по траве, словно стрекот кузнечиков, шепот раздавался с территории вверенного мне объекта. Это был именно шепот, тихие безголосые слова, обращенные то ли ко мне, то ли к надвигающейся буре, будь она неладна!

Я оглянулся на караулку. Не с бывшим ли портовым связистом случился припадок, малоизвестный для медицины? Но нет, во-первых, домик находился совершенно в другой стороне. А во-вторых, физиономия Тарасыча торчала из окна, и его губы, насколько я мог разглядеть, были сомкнуты. Не он это шепчет.

Кто-то другой.

Позади в небесах негромко бухнуло. Шепот замер, на миг вселив в меня надежду о слуховой галлюцинации, но затем возродился вновь. Кто-то за колючкой с непонятным упрямством наполнял воздух неразборчивыми словами. Я стянул зеленое травяное крошево, усевшее кисти рук, взвалил моторизованную косу на плечо и пошел, намереваясь оставить ее у входа в караулку.

Красные звезды украшали металлические въездные ворота с обеих сторон. Прижимаясь спиной к одной из створок, поглаживая на лбу морщинку, я пытался определить, откуда раз-

дается шепот. Вычислению точного направления мешал порывистый ветер да периодически громовые раскаты. Потратив без пользы около минуты, я двинулся в глубь спецхранилища.

Некоторое время я блуждал по территории, прислушиваясь к тихим неразборчивым звукам-словам, то возникавшим, то исчезающим. Наконец, путь преградил земляной холм с забетонированной с одной стороны гермодверью. И я неожиданно вспомнил, что именно охраняю на этом богом забытом лугу. Не бочки с соляжкой под дырявым навесом, не стоящие на ободах ЗИЛы, не превратившиеся в труху казармы. Главным объектом является двухуровневый лабораторный бункер, оборудованный изолированной вентсистемой и холодильной установкой.

Шепот раздавался из этого сооружения.

Сзади с яростным треском в луг вонзилась молния. Почти в ту же секунду шархнул гром. От испуга у меня ослабли колени – настолько внезапно, будто из-под ног выбили землю. Барабанные перепонок контузило, и шепот исчез, сменившись звоном в одном ухе и невнятными шумами в другом.

Вы спросите, было ли мне страшно? Да обделаться можно! Когда со спины, сверкая молниями, надвигается исполинская туча, а из запертого бетонного бункера, где лежит мертвый инопланетянин, раздается шепот – покажите мне человека, который будет чувствовать себя комфортно. Он наверняка или герой, или дебил. Лично я подозреваю, что это одно и то же.

Дневной свет померк. На ступени, ведущие к заглубленной бронированной двери, упали первые капли. Пока я бродил по хранилищу в поисках источника шепота, туча накрыла речку и луг. Я повертел головой в поисках навеса, под которым мог бы спрятаться от дождя, но до караулки было метров сто пятьдесят, а крыши стоящих рядом казарм выглядели как сито.

Пока я вертел головой, дождь начался. Хотя не дождь это был вовсе. С неба обрушился настоящий водопад – холодный, колючий. Куртка промокла в одно мгновение, в ботинках захлопало. Еще две молнии долбанули в землю, причем одна из них ударила по территории спецхрана, вонзившись в остатки асфальта на поросшем травой плацу.

Собственно, размышлять о поисках убежища было некогда. К тому же в памяти всплыло двухнедельной давности сообщение, переданное по местным новостям, что возле поселка Курба молния убила пастуха и двух коров. Я, конечно, не собираюсь жить вечно, но и погибать так рано не намерен.

Под хлещущими струями воды я нашел на связке нужный ключ и, спустившись к гермодвери, отпер навесной замок. Дождь лил уже сплошной стеной, и я с радостью юркнул в бункер.

На лестнице, ведущей в подземные помещения, было темно, тихо и пахло плесенью. Вода сюда не заливалась – вход в бункер был оборудован грамотными водостоками, военные архитекторы не зря ели свой хлеб с красной икорочкой.

Я устало привалился к стене.

Идущий снизу холод от морозильной установки быстро пробрал до костей. Я стащил мокрую куртку и сложил ее на ступенях. Теплее не стало, но хотя бы можно растереть бока и грудь. К этому времени отпустило уши, и голову наполнило шуршание ливня, звонкий стук капель, молотящих по жестяному козырьку над дверью, затаенное урчание морозильной установки под ногами.

Шепота среди этих звуков не было. Вместо него я обнаружил, что из неприкрытой двери внизу пробивается свет.

– Твою неваляху! – в сердцах произнес я.

Фомин забыл выключить свет на первом ярусе, когда уходил отсюда неделю назад. Отчасти я сам был в этом виноват: мне тогда поплохело от вида мертвого гуманоида на хирургическом столе и майору пришлось спешно выводить сменщика на свежий воздух. Лампы непрерывно работали более восьми суток! Потрясающе.

Висевшая у меня на поясе рация вдруг ожила.

– Начальник... начальник! – раздался сквозь треск помех голос Тарасыча. – Начальник, ответь!

Я снял рацию с пояса, поднес к губам:

– Слушаю.

– Слава богу, живой! А то я перепугался, японский городской!.. Дождища-то какой, верно?

Мне показалось, что Тарасыч больше перепугался за себя, чем за меня, оставшись один в караулке.

Впрочем, не один, у него там Клякса есть.

– Ты где, начальник?

– Со мной все в порядке, я укрылся в бункере.

– Тогда хорошо. Приходи в караулку, как поутихнет. В бункере холодно, небось. А я печечку затоплю.

Я представил пышущую жаром буржуйку, и в желудке стало тепло, как после соточки. Я пообещал Тарасычу, что приду, как только это будет возможно, и, разорвав связь, стал спускаться к полоске света, пробивавшейся из-за двери первого яруса.

Я шел медленно. Из-под корней мокрых волос то и дело скатывались капли, заливая глаза. Скользкие из-за налипшей глины подошвы норовили соскользнуть со ступеней, и мне приходилось придерживаться руками за стены. Чтобы не загреметь вниз по лестнице, потренировалась вся моя воинская подготовка.

Как я и ожидал, коридор за дверью оказался залит холодным белым светом, излучаемым двумя флуоресцентными лампами на потолке, одна из которых помаргивала. Так и есть. Фомин забыл выключить электричество в подземелье. Я постоял, оглядывая коридор и счищая о кромку стального порога глину с подошвы. Шум дождя был не слышен, раскаты грома едва ощущались, толща земли и бетона глушила внешние звуки.

Шепот больше не слышался.

Если вообще когда-нибудь был.

Я прошел вдоль дверей, ведущих в лабораторные комнаты. Мимо проплыли агрессивно выставленные штурвалы. Остановился возле двери с намалеванной краской цифрой «2», снова смахнул скатившиеся в глазницу капли, повернул штурвал и вошел. Жаль, что журнал посещений бункера остался в караулке, а так в нем можно было сделать выпендренную запись «Проверка сохранности инвентарных объектов», подпись и число, будто я спускался сюда намеренно. Только кто будет читать этот журнал? Гаджиев, что ли? Сомневаюсь, что он выберется в нашу дыру в течение ближайших двухсот лет... Но что об этом рассуждать – журнал оставался в караулке. К тому же когда я вошел в комнату, то начисто забыл и про него, и про выпендренную запись.

В комнате «2» хранились граненые осколки. Как утверждал Фомин, элементы управления неопознанным летающим объектом, который наши доблестные ПВО опустили с небес на землю. Так вот, эти стеклышки, разложенные на зеленом сукне, шевелились и поворачивались под еле слышные раскаты грома. При каждом шевелении в хрустальных недрах вспыхивало крохотное бледное сияние.

* * *

Не веря глазам, некоторое время я остолбенело следил за шевелением и вспышками осколков. Первой мыслью было, что я наблюдаю фокус, принципа которого не понимаю. Эти вещи не могут шевелиться сами по себе и уж тем более светиться без подключения видимого источника энергии.

Судя по далеким звукам, доносящимся снаружи, гроза наверху заканчиваться не собиралась. Положив пальцы на зеленое сукно, я ощупал его с разных сторон, стараясь не касаться странных стекляшек. Признаюсь, я их немного побаивался... Нет, под сукном ничего постороннего – только твердая столешница. Я напряженно выдохнул. Жирная капля скатилась с кончика носа и упала между осколков. Поспешно смахнув влагу с лица, я перешел к обследованию опоры.

Стол не шатался. Все четыре ножки плотно соприкасались с поверхностью бетонного пола, обтянутого темно-зеленым линолеумом. Нет, стол никоим образом не влиял на стекляшки. Это они вели себя на нем словно живые, хотя нет... Они вели себя так, словно на них влияло *чье-то близкое присутствие*.

Холод, распространяемый по обоим ярусам морозильной установкой, пробрал меня до костей и заставил прекратить обследование. С мокрой головой и в мокрых штанах я был готовым клиентом пневмонии.

Оставив стекляшки в покое, я переместился из комнаты «2» в комнату «1», делая рывки руками, чтобы разогреть мышцы. В комнате «1», как вы помните, находилась пирамидка из темного камня. Оглядев ее со всех сторон, я не обнаружил странностей. Пирамидка не двигалась, не светилась, в общем, делала все возможное, чтобы походить на обычный камень.

Металлические обломки в комнате «3» на ощупь показались мне немного теплыми. Впрочем, черт его знает, я мог и ошибаться... Зато в комнате «4» давление в обоих баллонах поднялось на две десятые атмосферы, а это, между прочим, столб воды высотой с меня ростом. Глядя на манометры в четвертой комнате, я почувствовал острое желание вырезать новую ложку, самую большую из всех, которые когда-либо вырезал.

В кладовке, которую при приемке объекта я не осматривал, на стеллажах хранились электронные приборы, сумки с костюмами радиационной защиты, а также целый шкаф с противогазами. Среди этого имущества нашлась пыльная телогрейка. Облачившись в нее, я некоторое время стоял с закрытыми глазами, согревая вату остатками своего тепла. Чуть согрел. Теперь не страшно заглянуть и в морозильную камеру.

Напялив на лицо респиратор, с замирающим сердцем я спустился на второй ярус. За алюминиевой дверью в покрытой инеем комнате, признаюсь, я ожидал чего угодно. Что мертвый пришелец будет моргать веками. Что его мышцы будут подрагивать, как у оживающего Франкенштейна. Или что он, сидя на краю хирургического стола, встретит меня вопросом: «Че я здесь делаю, начальник? И какой сейчас год?»

...Хмырь в морозильной камере лежал в той же позе, в какой его со мной познакомил майор Фомин. Все-таки аутопсия – штука серьезная, после нее особенно не подвигаешься. Хотя с того момента, когда я впервые услышал шепот, меня терзала сумасшедшая мысль, что его издает этот самый пришелец. Лежит и шепчет. И звуки, спадающие с губ, магическим образом проникают сквозь трехметровый слой железобетона и катятся по лугу, точно стрекот кузнечиков.

В морозильной камере я пробыл недолго. Изучать пришельца желания пока не было. От близости к нему в горле стоял тошнотворный ком. Мерзкий он, наш собрат по разуму. Кроме того, холод начал проникать под фуфайку, а сырые волосы мигом прихватило ко лбу. Я покинул камеру, плотно закрыв за собой дверь, и стал подниматься по лестнице, попутно анализируя странности, творящиеся на моем, мать его, до чертиков специализированном объекте.

На грозу (либо какой-то другой связанный с ней феномен) тем или иным образом отреагировали все энлэошные артефакты, за исключением пришельца в морозильной камере и пирамидки. Ну, первому и не положено реагировать, мертвец все-таки. С отсутствием реакции у второй дела обстояли сложнее. Либо она вещь совершенно бесполезная, вроде речной гальки. Либо, наоборот, настолько исключительная, что для ее пробуждения требуется нечто помощнее небесного электричества.

Когда я поднялся на первый ярус, наверху больше не гроыхало. Слышался только шум ливня. Я вернул телогрейку в кладовку, повесил на крючок респиратор. Некоторое время размышлял, потом снова заглянул в комнату «2».

Стеклышки на сукне лежали неподвижно.

Чудеса закончились. Никаких шевелений, никаких свечений. Галлюцинация капитана Стремнина... О сегодняшнем инциденте, пожалуй, стоит доложить Гаджиеву. Моей компетенции явно недостаточно, чтобы разобраться в странностях, которые здесь творятся. Оклада, кстати, тоже. Пусть Гаджиев связывается с Институтом, пусть вызывает «академиков», пусть они ломают головы над своими игрушками. А у меня другие задачи.

Интересно, наблюдал ли странности Фомин? А люди до него? Если да, то почему не предупредили, сволочи?..

Я поднимался к выходу из бункера, когда черная коробочка на поясе вновь ожила.

– Начальник! – вызывал меня Тарасыч. В его голосе сквозила непонятная истерика. – Начальник! Скорей сюда!

– Что случилось? – ответил я недовольно. Голова все еще была занята свалившимися на нее проблемами.

– Начальник, ты все еще в бункере, японский городской? Поднимайся скорее! Мама родная, я такого в жизни не видел... – Его слова вдруг перекрыл оглушительный свист, идущий как из рации, так и сквозь проем распахнутой гермодвери. Единственное, что я успел различить, было его: – Че-о-о-орт!!..

Бункер вздрогнул от сильнейшего удара. Снаружи донесся впечатляющий грохот, который мог дать фору закончившейся грозе. Со швов в потолке посыпалась бетонная крошка. От неожиданности я выпустил рацию, она запрыгала вниз по ступенькам, извергая матюги Тарасыча.

Трясущейся рукой я подобрал казенное имущество и выполз из бункера, даже не вспомнив о том, что его нужно запереть. Грохот постепенно спал, и в ушах установилась какая-то неестественная вакуумная тишина.

Лил дождь. Территорию спецхранилища покрывали гигантские лужи. Небо затягивали низкие серые тучи. В одном месте в них словно пробили дыру, и наискось от нее у меня над головой протянулся исполинский столб сизого дыма – такой длинный, что, прослеживая его путь, мне пришлось крутануть головой на сто восемьдесят градусов. Конец столба врезался в лес на другой стороне реки, и оттуда на фоне мутного дождливого неба прямо на моих глазах распускался яркий огненный грибок.

Пропавшие звуки появились и обрушились на меня. Из рации сквозь треск прорвался голос Тарасыча:

– Тарелка е...нула! НЛО, мать его, в Боровое упало!

Глава 3

Зона падения

До караулки я добрался, до колен перепачкавшись в грязи. На такие мелочи обращать внимание уже не было сил. Лежавший в прихожей Клякса оторвал от лап голову и с интересом посмотрел на меня.

– Что уставился! – буркнул я в сердцах.

Пес высунул язык и задышал, будто услышал от меня что-то приятное. Вот глупое животное.

Тарасыч разглядывал в окно увеличивающийся огненный грибок. Я переступил порог караулки, оставляя на половицах обильные влажные следы. Дед оглянулся на меня.

– Стекло высадило взрывной волной, – виновато сообщил он. Я только сейчас увидел, что бывший портовый связист стоит на осколках, а сквозь оконный проем ветер задувает в караулку капли дождя.

– Одежда сухая найдется? – спросил я.

– Зачем?

– Переодеться мне надо.

Тарасыч некоторое время тарасился на меня, не понимая, как я могу говорить о подобных пустяках, когда за окном такое! Но потом рассудок взял верх над изумлением.

– Дяди Сани старая куртка где-то валялась... Кирзачи тоже сейчас посмотрю...

Широкая брезентовая куртка песочного цвета с надписью на спине «Ремстройсервис» была протерта до дыр на сгибах рукавов, воняла рыбой и пылью, но оказалась достаточно крепкой. Дядя Саня, видимо, носил ее, когда был менее крупным, чем сейчас, поэтому куртка пришлась мне впору.

Пока я натягивал стоптанные кирзовые сапоги, Тарасыч взахлеб делился впечатлениями:

– Короче, затопил я печку и стал смотреть в окошко, как молнии играют. Дюже занятно за этим наблюдать, японский городской. Потом молнии исчезли. Ну, думаю, конец грозе – ан нет! Меж облаков что-то как сверкнет, как треснет. И вываливается из-за них такое... – Он раздвинул руки, пытаясь изобразить размер и форму. – Тарелка, в общем. Большая. Вся серебристая, по фюзеляжу молнии гуляют, позади столб дыма тащится. Я едва не обделался, когда она низенько над нами прошла. Не сразу понял, что не летит, а падает... Ну я сразу за рацию, тебя вызывать. А тарелка тем временем просвистела над складом ГСМ, пересекла речку и ухнула в Боровое. Японский городской, впервые в жизни такое вижу!

– Странно все это, – сказал я, вытягивая из бычка остатки дыма.

Тарасыч почесал татуировку якоря на плече. Вопросительно посмотрел на меня:

– Что странно? Что молния в тарелку ударила?

– Что тарелка вообще здесь очутилась.

– Где – здесь?

– Именно здесь.

Тарасыч недоверчиво отстранился от меня. Я поднялся с табурета, топнул каблуком, всаживая пятку в задник сапога.

Видневшийся в окне грибок тем временем перестал расти и замер. Росплески клубящегося огня скрылись под периной густой сажки, лишь изредка прорываясь наружу. Над верхушками елей грибок поднялся метров на двадцать, может больше – отсюда хрен разберешь. Но выглядело впечатляюще. Глядя в окно, Тарасыч ерзал на стуле – небось локти кусает, что с ним нет хотя бы захудалого фотоаппарата. Я с ним согласен, не каждый день из караулки наблюдаешь такое представление.

Теперь у меня появилось предположение, более-менее правдоподобно объясняющее сегодняшние странности. Предметы в бункере реагировали не на грозу, а на приближение летающей тарелки. Они «почувствовали» своего технологического родственника и зашевелились. Как железные опилки шевелятся при появлении магнита.

Все почувствовали, за исключением мертвеца и пирамидки.

– Что делать-то, начальник? – растерянно спросил Тарасыч.

Что делать? Этот вопрос меня тоже мучает.

Я достал из кармана рабочий мобильник, который мне передал Фомин, – старенькую обшарпанную «Нокию» с царапиной на дисплее и вываливающейся кнопкой отбоя. Через этот телефон предполагалось поддерживать связь с офисом «Вымпела», ну и так, утрясать проблемы, возникающие при организации охраны. Как раз сейчас у меня возникла одна. В лес за рекой рухнул НЛЮ, и столб взрыва от него похож на картинку из учебника по оружию массового поражения.

От обилия событий, случившихся за короткий период, я слегка растерялся. Кому звонить? У кого достаточно компетенции, чтобы разобраться в этом вопросе? У милиции? МЧС? А может, дабы не нарушить режим секретности, я должен звонить сразу в Институт? В записной книжке мобильного значилось несколько телефонов Института. Какой из них набрать? И что сказать человеку, который возьмет трубку? Почему меня не проинструктировали, как поступать в подобной ситуации!

Все вопросы оказались бессмысленными. На дисплее горел значок перечеркнутой антенны. Сеть была недоступна.

Здесь и в обычное время загорается две из десяти полосок, а сейчас не было даже их. Трудно сказать, в чем тут дело. Возможно, из-за грозы вышла из строя близлежащая «сота». Возможно, электромагнитный импульс взрыва повредил электронику телефона. А возможно, наши инопланетные гости каким-то образом глушили связь. Насчет последнего – шучу, конечно. Хотя, как известно, в каждой шутке есть доля правды.

Бесполезный мобильник я убрал обратно в карман.

Грибок взрыва за окном превратился в клуб черной пыли, который стал медленно оседать и развеиваться ветром. С момента падения прошло от силы десять минут. Твою неваляху, я все еще не верю, что это происходит на моих глазах!

– У нас дозиметр есть? – поинтересовался я, не сводя глаз с окна.

– Чего? – удивился Тарасыч.

– Дозиметр. Прибор для измерения уровня радиации.

– А на кой он нам сдался?

Я прикусил язык. Чуть не проболтался подчиненному, не имеющему допуска, что некоторые объекты хранения могут излучать радиацию. К счастью, Тарасыч в этот момент не блистал проницательностью. А я вдруг сообразил, что если двадцать лет назад здесь произошло нечто похожее, то дозиметры могут находиться в бункере. Хранятся же в кладовке противорадиационные костюмы!

Я отдал Тарасычу свой служебный мобильник.

– Набирай МЧС, пока не ответят.

– А если ответят, что сказать?

– Так и скажи: тарелка в соседний лес упала, беспокоит это тебя, чай с конфеткой пить не можешь.

Пока я возвращался в бункер по цепочке своих следов, оставленных в грязи, дождь сменился редкими одиночными каплями, падающими с неба. Повторный спуск на первый ярус вызвал у меня чувство дежавю. Я решительно отогнал это чувство, чтобы не путалось под ногами.

В кладовке, порыскав по стеллажам, я нашел целую россыпь подарков, оставленных военными. Наряду с электронными осциллографами, цифровыми тестерами и другой контрольно-измерительной ерундой, о назначении которой я имел весьма смутное представление, на полках обнаружили комплекты индивидуальных дозиметров, а также новенькие, в упаковке, войсковые приборы для радиационной разведки. В паспортах были расписаны четкие интервалы поверки приборов, видимо, посещающие бункер «академики» не забывали про эту кладовку. Я выбрал измеритель мощности дозы ИМД, устройство попроще и полегче остальных. Также прихватил комплект изолирующего противогаза и сумку с общевойсковым костюмом химзащиты. Нагруженный под завязку, выбрался из бункера, на этот раз выключив свет на ярусах и тщательно заперев наружную дверь.

Столб взрыва над лесом окончательно перестал походить на маленькую Хиросиму: все, что от него осталось, – грязное пятно в небе. Я включил базовый блок ИМД и направил датчик детектирования излучений в сторону пятна. Прибор неохотно щелкнул, стрелка заколебалась в самом начале шкалы. Пока неплохо, чуть выше естественного радиационного фона.

Тарасыч, высунув голову из дверного проема караулки, изучал небо. Клякса выбрался со своего места в прихожей и лакал воду из лужи. Я сгрузил барахло из бункера на крыльцо.

– Ну, как МЧС?

Тарасыч отрицательно потряс головой.

– Фонарь у нас есть?

– Фонарь есть... Ты куда собрался, начальник? – осторожно поинтересовался Тарасыч.

– Прогуляюсь за реку до лесочка.

– Пойдешь *туда*?!!

Я пожал плечами.

– Кому-то надо посмотреть, что там. Ближе нас к месту падения все равно никого нет. К тому же, может быть, там живой кто остался.

Тарасыч посерел лицом. Клякса оторвал морду от лужи и посмотрел на деда.

– Кто живой? – страшным голосом спросил он. – Кто там может быть живой?

Я пожал плечами.

– Вот и посмотрю.

– Да брось, начальник. На кой тебе это нужно? Лучше посидим, чаю попьем. Авось к этому времени телефон заработает.

Я только усмехнулся.

Признаюсь, есть у меня один недостаток. Я часто лезу в самое пекло. Возможно потому, что не люблю сидеть на месте. Как викингам, мне нужны приключения. Зачастую, правда, они оканчивались плачевно: то отделением милиции, то вообще увольнением из рядов Вооруженных сил. Впрочем, это мелочи, побочный эффект. Важен сам факт участия в чем-то необычном, будоражащем кровь и волнующем воображение. Как, например, поход к упавшей тарелке. К тому же мне действительно интересно было посмотреть, нет ли там кого-нибудь малость поживее моего подопечного из морозильной камеры?

Я попросил Тарасыча налить холодного кипятка в полуторалитровую пластиковую бутылку. Он исполнил просьбу, вылив в нее остатки из чайника. Вода была горячей, и бутылка слегка покорежилась. Я перетянул горлышко проводом, соорудил петлю и повесил на плечо.

– Возьми карабин, – вдруг сказал дед. – Мало ли.

– Карабин останется в караулке, – строго ответил я. – Ты, Тарасыч, охраняешь объект государственной важности. И за оружие отвечаешь головой. Ты не имеешь права передавать его кому-либо, в том числе мне.

Тарасыч заткнулся.

Я взвалил на плечо противогаз и сумку с костюмом, преодолел ворота и пошлепал по лужам в сторону реки.

* * *

В километре от нашего объекта на излучине реки находился перекат. Я каждый день прохожу мимо него, когда топаю на спецхранилище из Коровьина. Здесь всегда шумит вода, бегущая между выступающих из реки валунов. Галечное дно настолько мелкое, что проглядывается с берега. Перебраться на другую сторону можно не глубже, чем по пояс.

На пляже, врезающемся в реку словно лезвие, я раскатал изолирующий костюм. Пока мне нужны только резиновые штаны. Я натянул их поверх сапог, перекинул бретели через плечи и застегнул. Рыбаки часто используют снаряжение химзащиты, чтобы удить рыбу, стоя по пояс в воде. Мне это снаряжение требуется, чтобы перейти на другую сторону и не замочить одежду.

Течение на перекате было быстрое, настырное и все норовило снести меня с мели. Я прятался от него за валунами в зонах стоячей воды. Еще спасали обильные водоросли, за которые можно было держаться, когда вконец обнаглевшее течение валило с ног.

Берег на другой стороне реки был обрывистым, истыканным гнездами ласточек, у воды поросшим речной ивой. Хватаясь за ее ветви, я выбрался на сушу и долго бродил в поисках участка, по которому смог бы подняться наверх. Наконец мне попался подходящий для этой цели травянистый откос.

Передо мной выросла стена дремучего ельника – серого, сухого, пыльного, даже частично не позволявшего разглядеть, что творится на месте падения. Можно лишь сказать, что грибок взрыва окончательно растаял, сменившись струйками дыма от начинавшегося лесного пожара. Упавшая тарелка подохла Боровое.

Я измерил уровень радиации. Он увеличился, колеблясь между шестью и восьмью сотыми миллирентген в час. Это плохо. Радиация все-таки есть, и в эпицентре она может достигнуть небывалых, чернобыльских значений. С моим общевоинским костюмом химзащиты там вообще делать нечего... И все-таки назад я не повернул. Мне хотелось взглянуть на тарелку, потому что потом такой возможности не представится. Появятся военные, оцепят местность, засекретят информацию, зашугают местных жителей подписками о неразглашении. А тут, пока они не прочухались, есть возможность.

Сотней метров правее за стеной ельника нашлась просека, по которой я вошел в лес. Я двинулся по ковру из мятлика, перемешанного с березовыми побегам, росточком по колено. Мой курс лежал на дым, поднимающийся за деревьями в светлеющее после грозы небо. Просека вела чуть вправо, поэтому я решил, что пройду по ней сколько можно, а потом сверну в чашу.

Наблюдая за дымом, я пару раз наступил на гнезда куропадок – эти курицы выпархивали из-под ног, крича и громко хлопая крыльями, пугая меня до смерти. Однажды рядом что-то зашипело, словно утечка газа из трубопровода, – затаившаяся на старом пне гадюка пристально взирала на меня черными провалами глаз. Я обошел ее по широкой дуге.

Когда стало окончательно ясно, что просека ведет в противоположную от пожарища сторону, я вошел во владения вековых сосен, неохватных берез и дремучих елей. Кроны деревьев загораживали свет, поэтому сквозь валежник и заросли дикой малины приходилось продираться в сумраке. Появились комары, но после ливня их было немного, да и не доставали они меня никогда. Я не ощущаю укусов, не знаю почему. Юлька выдвинула ехидную версию, что комары о мою слоновью кожу ломают хоботы. Она просто завидует. У нее самой кожа очень нежная. Стоит комару сесть и коснуться кровососущей иглой, как тут же вскакивает бляшка, чешущаяся несколько часов. У Настюхи то же самое, мама с дочкой, блин...

Уровень радиации снова увеличился. Я рассчитал, что при дозе, которую сейчас определяет ИМД, смогу находиться в лесу без ущерба для здоровья еще часа три. Потом начнется, что называется, «хватил». Лучевая болезнь. В домашних условиях выводить излишек радио-

нуклидов из организма можно только средством, которое лично мне кардинальным образом противопоказано, а вырезание ложек, к великому сожалению, не может компенсировать его лечебный эффект.

Как бы там ни было, на месте катастрофы НЛЮ я долго находиться не смогу (если вообще подберусь к нему на расстояние видимости). Тем более нечего думать о том, чтобы пройтись по тарелке, обследовать помещения, палубы, покопаться в инопланетном скарбе... Досадно.

Однако прежде, чем я достиг конечной цели моего путешествия, случились два события.

Взойдя на небольшой холм, свободный от деревьев, я обнаружил, что кроме полотна дыма, поднимавшегося над местом падения, на северо-востоке вьется еще один, более скромный дымок. Раньше я не замечал его, так как он сливался с основным. Но когда просека увела меня вбок, два дыма разъединились. Кроме тарелки в лес упало что-то еще. Я подумал, что посещение места падения маленького объекта может оказаться более продуктивным, чем бестолковое топтание на большом пожаре возле источника убойной дозы радиации.

Этот дымок был первым событием.

А вторым стала встреча с «коллегой» – таким же ротозеем, как я, отправившимся поглазеть, что это там бабахнуло в лесной чаще.

* * *

Мужик лет сорока, среднего роста и телосложения, одетый в камуфляжную куртку и резиновые сапоги, пробирался между аккуратных сосенок. На поясице у него висела большая лыковая корзина. Заметив меня, он приветливо махнул рукой и быстрым шагом направился ко мне, прямодушно улыбаясь, будто старому знакомому.

– Эй, мужик, это... погоди, говорю!

У него были мятые русые волосы, чуть навывкате глаза. Резкие, грубоватые черты лица относили его к коренным жителям одной из окрестных деревень. Мне вообще казалось, что лица всех местных жителей чем-то схожи – то ли отпечатавшимся на них простонародным бытом, то ли отдаленной родственной связью.

– Здорово, земляк! – Он глянул вытаращенными глазами на мой изолирующий костюм, на противогазную сумку и дозиметр. Его улыбка поблекла. – Тут военные учения, что ль?

– Вряд ли. – Я кивнул на корзину у него за спиной. – Как грибочки, набрал?

– Ага, как же! Набрал, называется. Сначала под такую грозу попал, что помереть можно от страха. Хорошо хоть под деревом спрятался, не замочило. А потом еще эта хреновина просвистела над лесом. Вот где страшно-то было по-настоящему.

– Близко видел?

– Что?

– Хреновину.

– А... Не, деревья мешали. Видел только, что здоровая, гадина. Не знаешь, куда упала? Очень уж посмотреть хочется, хотя бы одним глазком. Конечно, если можно? – И он вопросительно глянул на меня, будто я тут караулю проход к упавшей тарелке.

– Меня можешь не спрашивать, я к этому отношения не имею, – заверил я. – Сам иду посмотреть, что там за штуковина упала. На снаряжение не обращай внимания, просто под рукой оказалось. Бывает такое иногда.

Он недоверчиво изогнул губы в ухмылке. Видать, не до конца поверил, что я такой же, как и он, любопытствующий, просто оснащен получше.

– Значит, зону никто не сторожит? – на всякий случай уточнил он.

– Нет.

– Фу-у... А я уж боялся, что сначала стрельнут из «калаша», а потом станут разбираться, шпион или нет. – Он произнес это с улыбочкой, почти такой же, как у майора Фомина. – Не возражаешь, ежели вместе пойдем? Вместе сподручнее. Меня, кстати, Семеном зовут.

– Я Валера. – Мы закрепили знакомство рукопожатием. – Только не знаю, далеко ли удастся тебе пройти, Семен. Тут уровень радиации высокий, причем с каждым шагом увеличивается не по-детски. Грибочки в этом лесу точно лет двести нельзя будет собирать.

– Вот блин! Я с детства сюда за грибами и за малиной ходил. Вся моя родня ходила. Как же так?

– Речь не о грибах. Без спецзащиты тебе далеко не пройти.

Семен скорчил жалобное лицо.

– Слушай, Валера, земляк, очень мне туда надо. Не каждый день у нас с неба махины падают. У нас в Голованово про меня только и говорят, что Семен с женой поцапался, или Семен на тракторе в канаву съехал, или же начальник гаража послал Семена в матерной форме. А тут народ будет говорить: «Слышал, в Боровом НЛЮ грохнулось? Так Семен туда ходил. Семен видел. Семен рассказывал». А насчет того, что радиация, – ну подумаешь, хвачу чуток. Хлебну стакан – сама растворится. Но ты пойми, Валера, земляк, не могу я это дело пропустить.

Я пожал плечами. Пускай идет, раз хочет, что мне его отговаривать. Взрослый человек, сам разберется, где для него опасно. В крайнем случае, если ИМД станет показывать угрожающие цифры, поговорю с ним пожестче.

Так у меня появился спутник. На протяжении всего пути, что мы пробирались сквозь ельник, Семен болтал без умолку. Я узнал, что он работает трактористом, но сейчас у трактора полетела коробка передач, надо менять половину шестерней, а денег на ремонт нет, и начальник гаража выгнал его в отгулы. Еще я узнал, что Семен недоволен жизнью, потому что получает мало; он хочет перебраться в город, чтобы получать больше, правда не знает, чем бы стал заниматься, скорее всего пошел в какой-нибудь автосервис. Потом он рассказал, как у них возле котельной в открытый люк провалилась корова. Семен привязал ее тросом за рога и тащил трактором... В общем, в пути скучно не было. Позади меня шагала живая радиоприемник, настроенный на волну с сельскими анекдотами.

Сквозь ельник я двигался первым, выставив перед собой локоть, таранящий сплетения ветвей, норовивших хлестнуть по лицу, запутаться в волосах или пропороть сучком роговицу глаза. Историю с коровой я уже где-то слышал. Впрочем, неудивительно. Коровьинский район не очень большой. Каждая неординарная история здесь становится почти официально распространяемой новостью. Бабушки из моего дома, собирающиеся по вечерам на длинной скамейке перед палисадником, вносят не последнюю лепту в работу Коровьинского информгентства. Уверен, что сегодняшнее событие вообще станет хитом. Говорить об этом будут целый год, строя предположения одно невероятнее другого. И никакие меры вроде подписок о неразглашении или угроз массовых расстрелов не задушат право народа на свободу распространения информации. Я успел в этом убедиться уже на третий день появления в поселке. На улице со мной здоровались какие-то незнакомые женщины, ребятня называла «начальником», а мужики из капельницы настойчиво предлагали проставиться за вступление в должность...

Приближение малого объекта падения я почувствовал по запаху дыма и, кажется, серы. Под ногами стали попадаться россыпи черной крупы, напоминавшей спекшуюся сажу. Потом наверху в сосновых кронах мы увидели широкий пролом. Проследив за его спуском к земле, мы обнаружили впереди предмет поисков.

Пропахав длинную черную борозду, в землю между молодыми сосенками зарылась оранжево-медная «семечка» размером с небольшой автомобиль. Земля вокруг «семечки» дымилась, дым, просачиваясь сквозь хвою, поднимался в небо. Основной объект падения находился несколькими километрами левее нас. Дыма от него стало больше. Видимо, пожар разрастался.

Где-то на расстоянии сотни метров от «семечки» стрелку ИМД начало зашкаливать. Я переключил диапазон измерения и понял, что с радиацией у нас все в порядке, то есть что она есть и что ее много.

Я остановился отдышаться. Переход по лесу изрядно вымотал меня. Но мы у цели. Пора доверить свои легкие изолирующему противогазу. А Семену...

– Тебе дальше нельзя.

– Да ладно! – отмахнулся он, прищуренно разглядывая «семечку» и собираясь подойти к ней поближе. – Я только гляну одним глазком и назад.

Я взял за руку этого самоубийцу, заставляя обратить на меня внимание.

– Слышь, Семен. – Я хмуро глянул ему в глаза. – Я серьезно. Ты, конечно, сам хозяин своему здоровью, но по-человечески тебе советую: *не ходи туда*. Понимаю, что любопытно. Но без средств защиты нельзя... если, конечно, не хочешь остаток жизни находить у себя раковые опухоли на жизненно важных органах.

В его взгляде мелькнуло подозрение. Вот идиот, думает, будто я его дурачу. Будто собираюсь заграбастать славу первооткрывателя упавшей с неба штуковины.

– Если так заботишься о здоровье, может, сам не пойдешь? – спросил он. – Давай мне свои шмотки, а? Я разведую, что там и как. Потом вернусь.

Я протянул ему сумку с противогазом.

Не ожидавший такого жеста, Семен попятился от меня.

– Ну что же ты, земляк, бери! Умеешь работать в изолирующем противогазе? А с измерителем мощности дозы умеешь обращаться? Сколько времени можно находиться на зараженном объекте – знаешь?

Он молчал.

– Это тебе не байки травить, – продолжил я. – Это деликатное дело. Стошнит в противогаз, сразу захочется снять его, чтобы дохнуть чистого воздуха. Едва ты это сделаешь – здравствуй, доза! Через две недели выпадут волосы и брови. Через два месяца начнутся невыносимые головные боли. Через полгода обнаружишь, что не можешь мочиться от раздувшейся простаты, а в голове у тебя опухоль размером с кулак, и даже если ее вырезать, то врачи не дают гарантии, что останешься жив... Ну как? Пойдешь?

Насупившийся Семен демонстративно не глядел на меня.

– Отойди на сотню шагов и жди, – приказал я. – Вернусь, расскажу, что видел. Можешь потом заливать в своей деревне, будто сам там был, – ловить на слове не буду, мне этого даром не надо.

Не проронив ни слова, Семен обиженно развернулся и побрел назад. Корзина на его пояснице раскачивалась из стороны в сторону. Пусть обижается. Зато останется цел.

Я надел куртку, резиновые рукавицы. Тщательно застегнул все хлястики, после чего натянул на череп противогаз и капюшон. Готово. Полностью защищенный и упакованный, я двинулся вдоль борозды к эпицентру радиации.

Вокруг упавшего аппарата держалось марево раскаленного воздуха, поэтому толком разглядеть его я не мог. Видел только выпуклости вдоль борта, похожие на обтекаемые ребра жесткости, огненный цвет поверхности, черное отверстие в задней части, похожее на сопло... Вообще трудно было подбирать аналогии из современного мира, чтобы описать это изделие *made in Sirius*, или откуда он там прилетел. Могу только с уверенностью сказать, что такого я в своей жизни точно не видел.

Земля была горячей от распадавшихся радиоактивных частиц и тлеющего торфа. Жар ощущался сквозь подошвы кирзачей, я все боялся, как бы они не расплавились. Кроме того, метров за десять до «семечки» я попал в облако неведомой пылицы, моментально осевшей на стеклах. Я поскреб стекла пальцами. Пыльца не сошла. Двигаться дальше пришлось в условиях ограниченной видимости.

Показания ИМД в очередной раз подскочили. У меня было не больше пяти минут, чтобы осмотреть отделившийся от НЛО элемент. Я уже не сомневался, что вижу спасательную капсулу, внутри которой надеялся обнаружить нечто живое, дышащее, способное к общению, готовое пойти на контакт. Зачем мне это? Спросите что-нибудь полегче. Может, это как-то связано с проблемой моего самоутверждения в жизни. Может, я хотел еще раз убедиться, что пришельцы – не розыгрыш. А может, мне просто нужно чем-то заполнить пустоту, которую раньше заполняла водка.

Капсулу окружал вязкий белый дым. Раскаленно-медный цвет поверхности пробивался сквозь него и слепил глаза. Он словно окутывал «семечку» волшебным сиянием. Я сделал несколько шагов от кормы к носу, пытаюсь определить, в каком месте находится замок, открывающий капсулу. Что-то вроде рычага на дверце холодильника отыскать не удалось. Зато я обнаружил контуры люка.

Тонкая щель, похожая на трещину в скорлупе ореха, охватывала треть боковой поверхности «семечки». Стоило мне провести вдоль нее пальцами в перчатке, как последовал едва заметный щелчок. Капсула вздрогнула. По ее обшивке прошла короткая вибрация, после чего часть борта поднялась вверх, как дверца «Феррари», чуть ли не наизнанку вывернув внутренности.

В первый момент я ничего не увидел – обзор загородил дым. Я нетерпеливо разогнал его ладонями, еще раз поскреб стекла противогаса, чтобы хоть чуточку прибавить видимости, но «пыльца» намертво въелась в стекла. Сквозь мутную пленку я увидел пульт управления, из которого торчали хрусталики, в точности похожие на объекты из комнаты «2». Кончики хрусталиков покрывало робкое рдеющее свечение. Над пультом висел информационный экран с бегущими по нему строками тарабарщины.

Я переместил взгляд в салон, чувствуя, как сердце нервно отстукивает в груди.

Напротив пульта управления в центре аппарата располагалось единственное кресло. Оно пустовало. Вопреки моим ожиданиям, капсула оказалась без гуманоида, хотя совсем недавно, может десять минут назад, в ней кто-то находился. Я это чувствовал. На это указывали бегущие по экрану иероглифы, непотухшие хрусталики управления, оставленные спиной и ягодицами вмятины на кресле. Существо, пребывавшее в этой капсуле, покинуло ее сразу после приземления.

Оно где-то в этом лесу.

Позади хрустнула ветка. Я вздрогнул.

В стеклах мелькнула человеческая рука. Не успел я опомниться, как она ухватила меня за «хобот» ИП – и в следующей момент я остался без противогаса в эпицентре радиоактивного заражения.

Дым резал глаза. Горели уши, беспощадно свернутые резиной. То же самое происходило с волосами, едва не выдранными с корнем из скальпа.

Возле меня, держа в опущенной руке противогаз, стоял Семен. Улыбочки майора Фомина на его лице больше не было, как, впрочем, и добродушного выражения тракториста из Коровьина. Лицо выглядело безразличным. Хуже того – мертвым.

– Теперь у тебя будут опухоли на жизненно важных органах, – мстительно произнес «Семен».

Насколько я понял, мой долгожданный контакт с внеземным разумом состоялся.

Глава 4

Брат по разуму

Холодные пальцы схватили приличный клочок моих волос на затылке и запрокинули голову. Хватка прищельца была на удивление крепкой, к тому же от неожиданности и испуга меня оставили силы. И еще я беспрестанно думал о том, что каждый вдох, каждая секунда, проведенная в эпицентре, наполняют меня радиацией, как горячая вода резиновую куклу.

Лицо «Семена», все такое же холодное и безразличное, возникло рядом с моим. В кривых пальцах свободной руки он держал нечто похожее на перочинный нож с длинным светящимся лезвием. Лезвие приблизилось, и я почувствовал жар возле шеи.

– Эта штукавина режет кости и сухожилия как масло. Она с легкостью перережет твоё горло, земляк. – Последнее слово прозвучало с насмешкой и относилось не только ко мне, но и к остальным моим соплеменникам, населяющим третью планету от Солнца.

– Нет, – взмолился я. – Нет, не нужно, прошу вас. У меня жена и маленькая дочь. Я сделаю все, что потребуется...

Пальцы с силой рванули волосы, словно собирались выдрать их из скальпа. Я вскрикнул. В левом ухе зазвучал презрительный голос «Семена», в котором не осталось ни единой эмоции простодушного деревенского тракториста.

– Ты не заслуживаешь того, чтобы помогать высокоразвитой цивилизации, которая ошастливила эту планету своим посещением. Ты заслуживаешь только ползать у наших ног, вымаливать прощение и делать все, чтобы заслужить его.

– Пожалуйста, не убивайте.

Только сейчас я понял. От «Семена» тянуло необъяснимой жутью – той же, что от мертвого гуманоида на втором ярусе, но в несколько раз более острой, разъедающей, прошибающей чувства.

– Двадцать два года назад в вашем летоисчислении здесь упал межпланетный транспорт. Где он?

– Я не знаю.

Раскаленное лезвие на мгновение коснулось ключицы. Боль была настолько неистовой, что отнялось плечо. В ноздри ударил запах жженой плоти.

– Я в самом деле не знаю! – заорал я. – Его увезли куда-то в Москву!

«Семен» на мгновение замер. Мне показалось, отключился: губы не шевелились, выпученные глаза уставились в пустоту. Очевидно, копался в собственной памяти, что такое Москва и где это.

– Нам известно, что не все увезли в Москву, – наконец произнес он. – Часть предметов осталась в этой местности. Где они?

– Зачем...

– Я здесь задаю вопросы! – взревел псевдотракторист. – Я вижу в твоей голове их образы. Где они?

Видит в моей голове? Твою неваляху! Каждый из объектов бункера прочно сидит у меня в памяти. Неужели это существо способно заглянуть в нее?

– Где предметы?

– Я покажу...

На этой фразе голос у меня сорвался. Ну а как прикажете разговаривать, когда к твоему горлу приставлен джедайский перочинный нож? В подобных обстоятельствах трудно проявлять героизм. Описать вот можно запросто, а с героизмом гораздо сложнее...

На лице «Семена» вновь появилась улыбка. Только уже не капитана Фомина. В ней вообще было мало человеческого. Так палач улыбается обезумевшей от ужаса жертве, вытаскивая из коробочки первую иглу, которую собирается загнать ей под ногти.

– Ты безвольный, бесхребетный, оплывший от малоподвижной жизни алкаш, – произнесло скрывающееся под обликом тракториста существо. На мгновение мне показалось, что голос я слышу не ушами, он раздается прямо в голове. – Ты не можешь заставить четырех разгильдяев повиноваться себе. Ты на волоске от того, чтобы сорваться и начать пить.

Все как с листа прочел. Телепатия в действии, извольте-с. До сегодняшнего дня я узнавал о ней только из желтой прессы или фантастических книжек. Сколько же еще информации можно вытащить из головы человека с ее помощью?

– Ты не человек, а помой, – безжалостно продолжал унижение «Семен». – Все, на что ты способен, – это сопроводить меня к конечной цели моих поисков. В этом высший смысл твоей ничтожной жизни.

– Давайте выйдем из зараженной зоны! Я сделаю все, что прикажете, только давайте сначала покинем зону!

Рука, сжимавшая волосы, с силой толкнула меня вперед. Я полетел лицом в распаханный дымящийся торфяник. ИМД свалился с плеча и ударился о пень. Что-то внутри коробки треснуло, звякнуло – и определять дозу прибор больше не сможет.

Пока я поднимался на ноги, шурша складками костюма, «Семен» стоял надо мной с надменным, даже презрительным видом. Со стороны, наверное, это выглядело забавно: грибник в камуфляжной куртке, резиновых сапогах и с огромной корзиной на лямке с презрением взирает на барахтающегося возле его ног офицера в отставке. Только для меня, измотанного лесным путешествием, нахватавшегося радиационного облучения, с запекшимся порезом на ключице, ничего забавного в этом не было. Меня взял в оборот пришелец из космоса, которому что-то понадобилось в бункере, чье содержимое наши «академики» сочли бесперспективным.

* * *

Из зоны падения мы выбирались тем же путем, которым шли в нее: сквозь сухой густой ельник и заросли орешника. Скрывавшийся под обликом деревенского тракториста пришелец гнал меня сквозь лес, читал образы из моей головы и всячески надо мной издевался. Единственное, что осталось в нем от прежнего «Семена», – неумная болтливость.

– Вами, людишками, легко управлять, – шипел он, топая в своих резиновых сапогах по ковроу из прошлогодних опавших листьев. На макушке торчал взъерошенный хохолок. – Подчинить вас не составляет труда. Человеческий мозг для меня – открытая книга. Я вижу любую мысль, любое воспоминание, любой образ. Я могу сложить в нужную мне последовательность и отправить обратно в зрительную область. И ты увидишь то, что я захочу. Телепатия и гипноз в одном флаконе – кажется, так это у вас называется?

– А речь? – осторожно спросил я. – Речь я тоже слышу через телепатию?

– Частично, – уклончиво ответил он, не став развивать ответ. Я же понял другое.

«Семен» представлял собой собирательный образ из нескольких людей, которых я когда-либо встречал в своей жизни. Взять его улыбочку. Она есть не что иное, как искажение добродушной улыбки майора Фомина. То же с сельскими анекдотами. Я слышал их от других людей; позабытые и не очень, они хранились у меня на подкорке. Пока мы шли к месту падения, пришелец тянул эту информацию из моей головы, перемешивал и подсовывал мне же в качестве своего визуального и звукового прикрытия. Да и сейчас не спешил расстаться с фальшивой личиной.

Конечно, настоящий облик он прятал мастерски. Я несколько раз пытался перебороть морок и увидеть в деревенском трактористе увеличенную голову, журавлиные ноги, руки с

четырьмя пальцами. Без толку. Этот фокус давался ему с легкостью. Правда, мой спутник ничего не мог поделаться с внутренним ощущением дискомфорта, веющим от него. И этот дискомфорт усиливался, чем дольше мы находились вместе.

День клонился к вечеру. После грозы тучи не разошлись, а низко обосновались над вершинами деревьев. От места падения тарелки дыма поднималось меньше, не знаю почему. Может, распространению огня помешали участки открытой местности, может, там болотина, может, лес сырой после ливня – не знаю. Сейчас меня больше заботила головная боль, чугунной тяжестью повисшая под крышкой черепа, вызванная то ли радиацией, то ли непрерывным ментальным контролем со стороны пришельца.

– Что произошло с вашей тарелкой? – спросил я, когда мы перебирались через поваленную березу, обросшую мхом. – Почему она упала?

Боль толкнулась в мозгах. Словно кто-то ради развлечения ударил молоточком по одному из полушарий. Я невольно схватился за висок – перчатки на руке уже не было, я сбросил их возле «семечки», какой теперь от них прок?

– Это чтобы ты не думал, будто можешь общаться со мной на равных, – злобно пояснил пришелец и замолчал. Я подумал, что больше ничего не скажет, но он вдруг продолжил: – В этих местах мощная электромагнитная аномалия. Она влияет на системы... – Он сказал еще что-то такое, чего я не понял и даже повторить не в состоянии. Мне кажется, сквозь человеческую речь проскочило слово на родном языке пришельца. – Я потерял управление судном, и меня втянуло в грозовое облако. Молния попала в трансурановый накопитель. Я едва успел катапультироваться.

«С...кин сын давно крутился над этими местами, – подумал я, – возможно, не одну неделю».

– Что это значит? – всколыхнулся «Семен», гневно сверкая выпученными глазами. – О чем ты сейчас подумал? Я не понял!

– Ни о чем, – поспешил заверить я.

В голове еще раз ударилась боль. В качестве наказания.

– Не пытайся меня обмануть, – злобно прошипел он. – Я вижу в твоей голове какой-то луг, вижу натянутую между столбов проволоку, постройки за ней. Среди них каменное сооружение, заглубленное в грунт. Мы должны идти туда. Моя цель находится там. Не пытайся меня обмануть, не пытайся увести в другую сторону.

– Я об этом совершенно не думал.

– Расскажи это моей бабушке.

Так говаривал наш зампотех. «Семен» все глубже запускал в меня руку, выживая самое сокровенное. В том числе нашего зампотеха, с которым мы не раз объединялись в уютную компанию, чтобы высосать душу из поллитры.

– Когда мы придем туда, куда вам надо, возникнет проблема, – предупредил я. – Сооружение охраняет человек. Без соответствующего документа он не имеет права пустить на территорию чужака.

– Я это знаю. Я все знаю. *Тарасым – безобидный старикан.* Я нашел это в твоей голове.

– Но у него есть карабин.

– Я разберусь.

От того, с какой интонацией произнес это шагающий рядом «тракторист», моя кожа покрылась мурашками.

Он разберется с Тарасычем.

А потом со мной, когда я приведу его к цели.

Мы вышли на просеку, поросшую молодым березняком. Отсюда я начал путь к месту падения. До речки оставалось меньше пятисот метров. В раскалывающейся голове не крути-

лось ни единой мысли насчет того, что делать. Этот пылесос в сапогах высосал из меня их досуха.

– Как ты вернешься назад? – поинтересовался я, преодолевая боль в висках. – Насколько я понимаю, после того маленького взрыва твоя летающая болванка вряд ли поднимется в воздух.

– Когда я добуду то, что нужно, он пошлет за мной.

Мне показалось или я уловил в его словах нотки благоговения?

– Кто – *он*?

– Мой господин. Повелитель миров и могущественный телепат. Когда он сойдет на Землю, вы, людишки, будете ползать перед ним, словно рабы, и жрать грязь по его приказу.

– И ему необходимо то, что хранится в бункере?

Гуманоид внимательно посмотрел на меня.

– Ты слишком любопытен. Слишком. Я доложу господину об этом.

Ему под ноги попала кочка, и высший разум с физиономией тракториста едва не расквасил нос о ствол удачно подставившейся березы. Пришелец испуганно вскинул руки, чтобы предотвратить столкновение. У меня в глазах что-то моргнуло, на короткое мгновение его облик смазался, видимо, телепат и гипнотизер в одном флаконе потерял концентрацию...

Большого я не увидел, хотя, казалось, должен был. Должен был увидеть хоть что-то. Хоть кусочек тела этой четырехпалой сволочи с головой олигофрена. Но передо мной снова маячил тракторист с мятыми волосами. И мне подумалось: а может, ничего этого не происходит? События настолько безумные, что вряд ли кто-то в здравом уме мог стать их свидетелем. Шепот, падение тарелки, мстительный гуманоид, которому позарез нужен один из инвентарных объектов в моем бункере. Может, все это галлюцинация, вызванная хмельным воздержанием? Или, наоборот, я не вытерпел и нажрался до чертиков, а сейчас нахожусь под влиянием алкогольных грез?

От всех этих мыслей у меня закружилась голова.

– Ты ничего не видел! – огрызнулся на меня «тракторист», имея в виду свое столкновение с деревом.

– Только проявление небесной грации.

– Не понимаю этих слов. О чем ты говоришь?

– Я выразил свое восхищение.

Он недовольно отвернулся, и мы продолжили путь. А все-таки не такой уж он сверхтелепат, бахвалится больше. Пришелец читал далеко не все, о чем я думал. Некоторые пласты сознания оставались ему недоступны.

И ирония ему чужда.

Когда мы вышли к реке, я совершенно вымотался и едва переставлял ноги. Зато мой спутник не выказывал признаков усталости и безжалостно гнал меня вперед. Мы спустились по песчаному откосу к воде и перешли русло в том же месте, где переходил его я.

До спецхранилища оставалось меньше километра. Когда мы поднимались по песчаной косе, пришелец вдруг замер и тычком локтя в грудь заставил меня остановиться. Тычок получился болезненным – локоть у него был острым. К этому времени я порядком упредел в изолирующем костюме, пот под одеждой катил ручьями. Еще в лесу я пытался стащить с себя куртку, но пришелец не позволил, снова начав махать передо мной светящимся ножиком.

Он присел на корточки и дотронулся ладонью до травы.

– О да! – сладострастно произнес «тракторист». – Я узнаю его, этот великий неодолимый Шепот. Никто не способен устоять перед ним, ни одно живое существо. Украденная реликвия вновь обретет почетное место на флагмане моего господина!

Я шепота не слышал, но вполне допускал, что чуткий слух моего спутника сумел его уловить. И меня вновь стал терзать старый вопрос: который из секретных объектов издает его?

Мертвый уродец? Светящиеся кристаллы? Пирамидка?.. Пирамидка казалась мне наименее вероятным вариантом, она никак не реагировала на приближение тарелки.

Но, может, именно поэтому она была уникальной?

Мой спутник разогнулся.

– Вперед, – скупой приказал он.

Я нехотя тронулся с места к виднеющимся впереди постройкам посреди луга, обнесенным колючей проволокой.

* * *

Еще издали я услышал доносящийся из-за караулки зычный рев работающей мотокосы. Когда я и скрывающийся под обликом грибника пришелец обогнули угол ограждения, в глаза бросился пустой табурет с прислоненным к нему карабином посреди распахнутых ворот. Чуть позже увидел Тарасыча.

Коса висела у него на плече, и бывший портовый связист осторожно и с интересом водил ею из стороны в сторону, подрубая рослый борщевик. Иногда он останавливался на секунду, оглядывал машинку и качал головой, восхищаясь техническим прогрессом. Нас он не увидел, потому что мы подходили со спины.

Тракторист оглядел фигуру Тарасыча безучастным взглядом убийцы. В его руке возник светящийся нож.

– Позволь мне поговорить с ним! – попросил я, глотая слова, потому что задышался от быстрого шага. – Он пропустит нас...

– Твоя помощь не требуется, – надменно ответил «Семен». – Я сам с ним разберусь. Все, что от тебя требуется, – привести меня к цели.

– Я понимаю, но...

И тут я увидел Кляксу.

Пес вылетел к нам через распахнутые ворота, оглашая воздух тревожным лаем. В реве работающей мотокосы он был практически не слышен. Занятый косьбой Тарасыч даже не поднял головы.

Зато на собаку обратил внимание «Семен».

Он с интересом уставился на катящийся к нам через луг черный комок лохматой шерсти. Даже наклонил голову к плечу, разглядывая пса.

Мне показалось, что Клякса прыгнет на пришельца, – с такой злостью он несся на него. В последний момент пес затормозил, остановившись в считанных сантиметрах, потом сдал чуть назад, ни на секунду не прекращая отчаянно, до хрипа, материть незнакомца на своем собачьем языке. Однажды я видел, как Клякса облаял рыбака, проходившего мимо КПП: гавкнул несколько раз, давая понять, что тот не туда забрел. Но так отчаянно пес не заливался. Словно опаснее и злее моего спутника он ничего не видел в своей жизни.

«Семен» почти не реагировал на лай. Мне показалось, что бешеный лай собаки даже доставлял ему удовольствие. Он нажал кнопку на рукояти своего ножичка, и тот, к моему великому удивлению, завис в воздухе, точно подвешенный на леске. Лезвие сверкнуло пламенем, начало вращаться...

Пес перестал лаять, метнув взгляд на порхающий возле пришельца неизвестный предмет.

«Семен» улыбнулся псу, обнажив кривые зубы.

Огненный круг, в который превратился вращающийся нож, рухнул с такой скоростью, словно был выпущен из пращи. Не успел я опомниться, как он с силой ударил пса в лохматый бок.

Клякса вздрогнул. Из красного рта вырвался хрип. Над холкой в воздух взметнулись брызги крови – мелкие, словно пудра. Моих ноздрей коснулся запах паленой шерсти.

Огненный круг вышел с другой стороны косматого тела.

Клякса покачнулся, сделал шаг... и развалился на две половины. Задние лапы в агонии забились по траве, словно пытались убежать от расправы. Передние гребли под себя землю. Еще живой взгляд почти человеческих глаз был наполнен болью и непониманием. Пес искренне не понимал, что с ним сделали, вызвав такую нестерпимую боль, и самое главное – зачем. Он всего лишь выполнял свою работу, то, чему его учили с рождения: лаять на незнакомцев, потому что это важно. И он поднял тревогу, когда появился страшный человек в резиновых сапогах. Так за что его ударили и почему возникла боль?

«Семен» присел на корточках над умирающим Кляксой и до конца смотрел в его тухнущие глаза. Светящийся нож, перестав вращаться, подлетел к нему и плавно юркнул рукоятью в подставленную ладонь. Над лугом катился беззаботный рев моторизованной косы. Я набрал полные легкие воздуха, чтобы прийти в себя: мне снова начало казаться, что я сплю, таким сюрреализмом отдавало все происходящее.

Пришелец поднялся с корточек. Безразлично переступил через разрубленное пополам тело собаки, направляясь к распахнутым воротам, за которыми маячила сухая фигура Тарасыча, целиком поглощенного косьбой и упорно не замечающего, какие страшные вещи творятся у него за спиной. Карабин стоял, прислоненный к табурету. Чертов старикан, уверенный, что на много километров ни души, бросил служебное оружие на произвол судьбы!

Видимо, образ карабина чересчур ярко вспыхнул в моей голове, потому что «Семен» полуобернулся, посмотрел на меня, и я почувствовал в виске невидимую раскаленную иглу. Мысли, зрение, слух превратились в пронзительную боль. В глазах почернело. Я рухнул на колени, сжимая голову в ладонях. Одним мысленным усилием пришелец лишил меня даже крохотной возможности предупредить Тарасыча. Хотя сквозь рев мотокося он все равно бы не услышал крика.

Не помню, сколько я ползал по траве, оглушенный, ослепленный, задыхающийся. Когда зрение вернулось, я увидел «Семена».

Пришелец стоял между воротных створок, обозначенных красными звездами, в десяти метрах от меня.

В руках у него находился карабин.

Тарасыч вдруг перестал косить. Выпрямился. Думаю, он почувствовал неведомую жуть, которой тянуло от существа. Дед выключил косу, обернулся, только было поздно.

На него глядел ствол собственного служебного карабина.

Глаза старика сделались большими и круглыми. В тот момент он понял, какую совершил ошибку, оставив карабин возле табурета, на котором загорал и ремонтировал башмак. Тарасыч попятился, задел концом мотокося о землю и рухнул вместе с ней на спину. Это спасло его от первой пули, выпущенной «Семеном».

«Семен» опустил карабин и прошел сквозь облачко сгоревшего пороха, приближаясь к барахтавшемуся на земле Тарасычу. Корзина за спиной пришельца моталась из стороны в сторону. Оказавшись возле старика, он снова поднял винтовку, целясь точно в лоб караульного – практически контрольный выстрел. Тарасыч испуганно завопил что-то вроде: я же ничего не сделал, за что? ЗА ЧТО?! И еще: боже правый, пощади!..

...Удар в голову дубовым табуретом свалил «Семена» с ног. Карабин выскользнул из рук, правый сапог слетел, обнажив дырявый носок, из которого торчали пальцы. Пришелец рухнул на колючую проволоку, изодрав в клочья лицо и ладони. Если это была иллюзия, то невероятно достоверная.

Сосредоточив все внимание на Тарасыче, он забыл про своего проводника. Вероятно, решил, что я больше не представляю угрозы. Напрасно он так. Пусть я алкаш с десятилетним стажем, пусть позабыл, что такое физическая форма, пусть командир из меня никудышный, но боевая подготовка не уходит просто так. И навыки тоже. Они вложены в меня один раз и

навсегда. Они сидят во мне, готовые выпрыгнуть в любой момент, в каком бы состоянии я ни находился: свежий или усталый, трезвый или пьяный, в ясном уме или мысленном нокдауне, в который меня отправил пришелец. Главное – заставить противника поверить в собственное превосходство и дожидаться удачного момента. А там – лишь бы под рукой оказалось что-нибудь тяжелое.

Вроде табурета.

Пришелец, все еще сохраняющий образ тракториста, с трудом подтянул под себя колени, собираясь встать на ноги. Морщась от головной боли, я поудобнее перехватил квадратную ножку и еще раз с чувством приложил табуретом по светловолосому темени. Что-то хрустнуло, по обращенным к небу пяткам пробежала короткая судорога, и тело, повисшее на колючей проволоке, обмякло. Надеюсь, на весьма продолжительное время. Их небесное высочество, собиравшееся нами повелевать, испустило свой небесный дух.

– Вот и весь контакт! – резюмировал я.

Я посмотрел на Тарасыча, все ли с ним в порядке. В ответ на меня взирали два диковатых полусумасшедших глаза. Старикан хлебал глоткой воздух, пытаюсь что-то сказать, а может, беззвучно плакал. А как тут не плакать? Прекрасно понимает, что я ему, дуралею, жизнь спас.

А дальше произошло то, что меня донельзя огорчило. Сказать по правде, мне по душе был другой исход.

Тело тракториста в псевдвоенной камуфляжной куртке и резиновых сапогах растаяло, как лед на солнышке, и я увидел его. Сморчок ростом чуть выше полутора метров с огромной безволосой головой и тощими ногами. Свеженький, только что испутивший дух, он был в несколько раз противнее своего давно мертвого собрата со второго яруса бункера. Он напомнил мне рыбину – такую же безразличную, безэмоциональную, с огромными холодными глазами и черным провалом рта.

Я долго стоял над ним, готовый еще раз применить табурет, если «Семен» шевельнет хоть пальцем. По сиденью, отполированному задами, стекала вязкая бледно-серая слизь с комками, несколько капель с него упали на скошенную траву рядом с моими сапогами. Я простоял так довольно долго, но пришелец не дал повода вновь поднять руку.

Стоя над ним и сжимая ножку табурета, с которого стекала то ли кровь, то ли мозговое вещество, я окончательно понял, что это, к сожалению, не сон. Мертвый инопланетный задохлик с расколотой головой, повисший на колючке моего спецхрана, был не чем иным, как вставшей передо мной проблемой. Большой проблемой. Уже тогда я понял, что с этого момента все переменится. О тихой службе на заброшенном объекте, словно пансионат, окруженном первобытной природой, придется только мечтать.

Глава 5

Ликвидация последствий контакта

Первое, что я сделал, это стянул ненавистный костюм химзащиты и упрятал его в большой алюминиевый бидон из-под молока. Потом решу, что делать с этой зараженной резиной. Мне сейчас как воздух необходима собственная дезактивация. Взяв кусок хозяйственного мыла, я отправился на реку. Там, стоя по пояс в прохладной воде, долго драил себя поверхностно-активными веществами, смывая радиоактивную грязь, особенно с головы и волос. Наплевать, что все это отправится в реку. Радионуклиды рассеются среди водных массивов, и заражение будет не больше обычного природного фона. Другое дело объекты, оставшиеся в лесу. Чтобы провести дезактивацию тарелки, спасательной капсулы, а также местности вокруг, куска мыла точно не хватит. Но это уже не моя забота, а МЧС или войск химической защиты.

Промокшая во время ливня одежда полностью высохла (Тарасыч развесил ее на горячей трубе буржуйки), и я смог переодеться. Когда желтая надпись «ОХРАНА» вернулась на мою спину, я будто заново ощутил тяжелое бремя ответственности за вверенный объект. Здесь произошло ЧП, последствия которого требуют незамедлительных решений. В первую очередь следовало заняться повисшим на колючке собратом по разуму.

Когда я вернулся к воротам, его кожа приобрела пепельно-серый оттенок. Она постепенно приближалась к асбестовой фактуре, как у объекта ноль-ноль-семь из бункера. Кроме того, я обнаружил на теле пришельца тонкий комбинезон. Поводив над головой и плечами новеньким дозиметром из кладовки, я с удивлением констатировал отсутствие заражения. Даже под мышками и между ног, скотина, был чист как стеклышко. А ведь находился рядом со мной возле «семечки», радиация там была ого-го какая! Вероятно, в защите от заражения не последнюю роль сыграл комбинезон.

Обшарив тело, я отыскал светящийся нож и переместил его себе в карман. Потом разберусь, как им управлять. Не скрою, понравилась мне эта штучка – в лес за грибами ходить.

Большая лыковая корзина оказалась металлическим контейнером. Я снял его с трупа. После некоторых поисков на крышке обнаружилась щель, в которую я просунул ноготь, отчего внутри что-то шелкнуло и крышка открылась. Внутри покоилось непонятное устройство – металлическое, сложенное и, самое удивительное, тяжелое. Когда я извлек его на белый свет, то от неожиданности едва не грохнул себе на ногу. Предмет стал тяжелее в несколько раз. Как оказалось, контейнер скрадывал часть веса – удобно для транспортировки грузов.

Контейнер с непонятным устройством я спрятал в бункере, в комнате номер «2». Туда же перетащил гуманоида. А куда еще прикажете? Бункер – единственное место, ключи от которого находятся только у меня.

Тарасыч везде ходил за мной, как привязанный на веревочку. Беспрекословно выполнял все мои указания. Он помог перетащить гуманоида до входа в бункер, дальше я его не пустил, да он и не просился. В общем, Тарасыч стал совсем шелковым. Он только иногда как-то странно посматривал на меня, словно мы заново познакомились.

– Начальник, – однажды произнес он, – как ты его, табуреткой-то?

– А что?

– Никогда такого не видел.

– Табуретка – эффективное оружие. Не хуже любого другого. Знаешь, как ее ножками суставы ломаются? Ловишь руки, поворачиваешь – прелесть!

– Ты где служил? – спросил он вкрадчиво.

– Так, то там, то сям...

После этого Тарасыча прорвало на справедливый интерес:

– Что же это было, японский городской?

– То, что упало в лесу? Брат по разуму, так сказать.

– Значит, его ты нашел в тарелке?

Я неопределенно пожал плечами.

– Господи! – Тарасыч перекрестился. – А он не оживет, этот «брат по разуму»?

Я поглядел на полотно сизых облаков, затянувших вечернее небо.

– Ты неправильно формулируешь вопрос, Тарасыч. Нужно спрашивать: не прилетят ли они снова?

– А могут?

– Могут. И прилетят.

Они обязательно прилетят. Потому что мы храним одну вещь, которая им очень нужна, до боли в печенке. Только я понятия не имею, о каком инвентарном объекте идет речь и для чего он потребовался пришельцам.

Потом мы похоронили Кляксу.

По моей просьбе Тарасыч саперной лопаткой выкопал возле караулки неглубокую яму. Я сложил в нее лохматые останки, после чего мы закидали их землей, а в образовавшийся холмик воткнули его алюминиевую миску, на которой Тарасыч криво нацарапал ножиком «Клякса». При обороне спецхрана один из нас уже пал. Мне не хотелось развивать мысль, но если все настолько серьезно, как я думаю, жертва могла быть далеко не последней.

* * *

Занеся моторизованную косу на ферму Ипатова, я вернулся в поселок поздним вечером, едва перебирая ногами от усталости.

Улицы Коровина, укутанные в сочную зелень начала лета, освещались редкими фонарями. Было тихо, никакого переполоха, который, как мне казалось, должен был подняться, узнай народ, *что* упало в Боровом. Никаких солдат, никакой техники химических войск. В одном дворике негромко брэнчали на гитаре подростки. В другом возле полуразобранного «жигуленка» душевно беседовали два не совсем трезвых мужика. Из открытых форточек доносились звуки телевизора, но большинство окон не горели, многим завтра на работу.

Мне, кстати, тоже.

Круглосуточный продуктовый ларек, расположенный рядом с асфальтовым шоссе на Ярославль, был сварен из металлического листа-пятерки, его единственное панорамное окно защищала стальная решетка. Он напоминал фортификационное сооружение, способное выдержать длительную осаду. Возможно, иногда его так и использовали против чересчур буйных покупателей и алкашей.

Наверное, вы решили, что я захотел напиться после сегодняшних событий? Вот и нет. Я думал только о том, как вывести из себя эту чертову радиацию, которой меня напичкали по самую маковку. Хотя, сказать по правде, напиться тоже хотелось. В голове творилось нечто такое, словно в ней потоптался слон, – ощущались последствия ментального вторжения. Так, на углу трансформаторной будки мне померещился чертенок с горящими глазами, следивший за мной из-за угла, хотя скорее всего это была кошка... Надеюсь на это.

Отчалив от продуктового ларька, где были приобретены пол-литра «Путинки» (ну да, частицей души я патриот), я отвинтил крышку и, запрокинув голову, высосал сразу половину бутылки. Расположившийся неподалеку на скамейке местный бомж посмотрел на мой жадно гуляющий кадык с пониманием и завистью.

Водка пошла легко, как вода. Словно не было полуторамесячного перерыва, заполненного вырезанием ложек. Я не давился, меня не выворачивало наизнанку, мне не требовалась закуска. Пилось отлично, даже не ощущалось обычной горечи.

Я оторвался от горлышка, глядя на мир увлажнившимися глазами. Мир стал ярче, свежее, контрастнее. В голове сразу установился порядок. По внутренностям пробежала волна бодрящего тепла. Как мне этого не хватало! Как не хватало этого затаенного глотка, задвигающего все проблемы на задний план. Никакие ложки, никакая переоценка жизненных ценностей не могла сравниться с эффектом от употребления этого прозрачного живительного напитка.

В бутылке осталось чуть меньше половины. Мне хотелось уничтожить остаток, не люблю оставлять незаконченные дела. Слава богу, в тот момент хватило рассудительности. С раннего утра во рту не гостило ни крошки, а от усталости я едва держался на ногах. Стоит расправиться со второй половиной – и утро придется встречать в уютном лоне придорожной канавы. Поэтому, ухватив бутылку за горлышко, я, пошатываясь, побрел по пустой, слабо освещенной улице в направлении дома.

Дверь в подъезд оказалась заперта изнутри на задвижку. Это наши бабушки таким образом защищаются от непрошенных гостей. Я озадаченно почесал лоб, думая, в какое окно постучать, чтобы мне открыли, но потом вспомнил про Леву.

Лева жил со своей матерью в квартире на втором этаже. Чернявый, жилистый, худощавый, весь в татуировках после отсидки, он работал на фабрике слесарем, и было ему что-то около сорока. Домой Лева частенько возвращался затемно и подвыпивши, поэтому, чтобы никого не будить, держал за доской наличника тупой кухонный ножик с обломанной рукоятью. Его лезвие, просунутое в дверную щель, отодвигало задвижку в несколько приемов.

Вспомнив об этом, я тут же подумал, что у меня самого есть ножик. Инопланетный. Я достал его из кармана, повертел в руке, оглядывая со всех сторон. Убрал назад. Страшно применять его по пьяни, еще останусь без пальцев. И потом, светящееся лезвие резало настолько легко, что могло раскроить задвижку. За подобное варварство в отношении общественной двери наши бабушки меня дружно возненавидят. Именно поэтому я полез за наличник и достал Левину «отмычку», с помощью которой и попал в подъезд.

Первое, что я увидел, когда вошел в квартиру, был чемодан в прихожей рядом с подставкой для обуви. Еще через секунду я сообразил, что не отпирал дверь ключом. Дверь в квартиру не была заперта.

Я осторожно заглянул в гостиную.

На стене горел ночник, в остальной комнате была погружена в полутьму. На моей кровати, раскидав руки и ноги, перекрутив вокруг себя простыню, едва слышно посапывая, спала Настюха. На ней были только маечка и трусики – сарафан, в котором она приехала, висел на спинке кровати. Рядом на краешке стула, сложив руки на коленях, сидела Юлька. На ней были джинсы и джинсовая курточка, она даже не сняла ее с дороги. Волосы уложены строго, по-учительски, спина прямая. В больших, всегда волнующих меня глазах читалась усталость.

– Вы чего, уже приехали? – тупо поинтересовался я. Ни одно из слов не получилось произнести внятно.

Юлька приставила палец к губам и яростно показала глазами на спящую Настю. Потом молча встала, вышла ко мне в прихожую, плотно затворила дверь в комнату. Когда она повернулась, лицо было сердитым.

– Мы ждали тебя целых полдня! Полдня, можешь себе представить? Ты говорил, что в шесть уже дома. Где ты был?

– Как вы попали в квартиру? – В тот момент я не блистал мыслительными способностями. Общение с Семеном сказало на них самым негативным образом.

– Сначала сидели на лавочке во дворе, – обиженно ответила Юлька. – Потом какая-то бабушка пустила нас в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.